ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ Ф.А. ХАЙЕКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Препринт WP3/2023/05
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
2023

УДК 33.01
ББК 65.01
К20

Капелюшников, Р. И.
К20 Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология [Текст] : препринт WP3/2023/05 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 84 с. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 35 экз.

Работа посвящена концепции культурной эволюции Ф.А. Хайека, возможно, самой недооцененной части научного наследия этого выдающегося социального мыслителя. Ретроспективно она предстает как сложная и глубокая система, во многом предвосхитившая идеи современной эволюционной психологии. Хайек был далек от того, чтобы считать культурную эволюцию калькой с биологической эволюции, подчеркивая ее недарвинистскую («ламаркистскую») природу. Феномен культуры понимался им как совокупность традиций, норм и правил поведения, лежащих между миром природных объектов, существующих независимо от человека, и миром искусственных объектов, рожденных его волей и интеллектом. В работе подробно рассматриваются хайековские «концепции-близнецы» – спонтанного порядка и культурной эволюции. Ключевой элемент подхода Хайека – идея группового отбора, которую он использовал для объяснения того, почему в длительной эволюционной перспективе с большей вероятностью будут выживать более эффективные социальные порядки, способные обеспечивать более высокий уровень жизни и поддерживать более многочисленное население. Это послужило основанием для его обвинений в отказе от принципа методологического индивидуализма и переходе на позиции методологического холизма. Однако более корректный анализ демонстрирует, что групповой отбор и методологический индивидуализм вполне совместимы, выступая в понимании Хайека как два аспекта единой объяснительной схемы.

УДК 33.01
ББК 65.01

Ключевые слова: Хайек, культурная эволюция, спонтанный порядок, групповой отбор, методологический индивидуализм, эволюционная психология

JEL: B25, B41, B53, Z13

Капелюшников Ростислав Исаакович (rostis@hse.ru), член-корреспондент Российской академии наук (РАН), главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, заместитель директора Центра трудовых исследований (ЦеТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Препринты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» размещаются по адресу: http://www.hse.ru/org/hse/wp

Введение

Одна из ключевых тем научного творчества Ф. А. Хайека позднего периода – концепция культурной (или, как он называл ее первоначально, «социальной») эволюции, описывающая глубинные механизмы развития человеческих обществ. Впервые Хайек обратился к эволюционной проблематике в конце 1950-х годов[1]. Ее систематическая разработка пришлась на годы, когда он постепенно переставал быть «чистым» экономистом и фокус его исследовательских интересов все сильнее смещался в более широкую область философии, теоретической психологии, политологии и права. Именно такое расширение дисциплинарного поля помогло ему в итоге завоевать признание в качестве одного из крупнейших и влиятельнейших социальных мыслителей XX века. В каком-то смысле концепция культурной эволюции синтезирует главные направления научных поисков позднего Хайека.

Термином «культурная эволюция» он обозначал процесс возникновения, закрепления и изменения традиций, обычаев, поведенческих рутин, этических норм и практик, регулирующих взаимодействия между индивидами. Речь идет о различных видах «правил», под которыми он понимал любые регулярности в поведении людей, как наследуемые, так и приобретаемые [Хайек, 2020c, 366]. Из индивидуальных действий, следующих определенным правилам, складываются сложные, внутренне согласованные структуры, или «социальные порядки», отличающие одни человеческие группы от других. Правила вносят в жизнь людей упорядоченность, позволяя им предсказывать, как, скорее всего, поведут себя в тех или иных обстоятельствах другие, и благодаря этому координировать с ними свои действия. Это культурное наследие, полагал Хайек, формировалось спонтанно в процессе «отсева и отбраковки, направлявшемся различиями в преимуществах, которые группы получали от практик, усвоенных ими по каким-то им неведомым и подчас чисто случайным причинам» [Хайек, 2006, 477, с изменениями].

Правила не равноценны. С течением времени более эффективные имеют тенденцию вытеснять менее эффективные, где эффек-

[1] Как считается, непосредственным толчком к этому послужил столетний юбилей выхода в свет «Происхождения видов» Чарльза Дарвина [Дарвин, 2016], праздновавшийся в Чикагском университете в 1958–1959 гг. [Caldwell, 2000].

тивность понимается в терминах репродуктивного успеха – способности складывающихся социальных порядков повышать уровень жизни людей и поддерживать существование большего их числа. В этом смысле увеличение богатства и рост численности населения выступают орудием эволюционного отбора: чем беднее группа, живущая по каким-то специфическим правилам поведения, тем меньше у нее возможностей расширяться, активнее миграция ее членов в соседние группы с альтернативными правилами и тем больше их готовность к заимствованию иных правил, выработанных более успешными группами [Gaus, 2006]. Это не означает, что в результате такого отбора из множества правил всегда остаются только самые лучшие: поскольку любое правило существует не само по себе, а встроено в общий социальный порядок, даже оказавшись менее эффективным, оно будет сохраняться и передаваться из поколения в поколение, если порядок, элементом которого оно является, превосходит иные, менее благотворные порядки[2].

Центральный пункт хайековского подхода – тезис о том, что культурная эволюция протекает не на индивидуальном, а на групповом уровне. Она «отбирает» не просто более приспособленных индивидов, а более приспособленные группы, оказавшиеся способными сформировать более жизнеспособный социальный порядок. Успеха достигают те из них, которым удается натолкнуться на правила поведения, позволяющие лучше координировать действия их членов и, соответственно, лучше адаптироваться к окружающей среде. Однако траекторию культурной эволюции неверно представлять прямолинейной и однонаправленной: это процесс «постоянных проб и ошибок, непрерывного “экспериментирования” в сферах, где происходило “соперничество” между порядками разного типа» [Хайек, 1992, 39]. Важнейшая характеристика всякого социального порядка –

---

[2] Это нужно отметить с самого начала, потому что некоторые критики обвиняли Хайека в «панглоссизме» – в том, что, согласно его концепции, все, что не было отбраковано эволюционным отбором, следует считать гарантированно оптимальным и не допускающим никаких усовершенствований. В действительности его подход далек от установки «все к лучшему в этом лучшем из миров» [Whitman, 1998]. «Я не утверждаю, – замечал он по этому поводу, – что результаты группового отбора традиций непременно “хороши”, – так же как я не утверждаю, будто все, что в ходе эволюции сохраняется в течение длительного времени (например, тараканы), имеет моральную ценность» [Хайек, 1992, 51].

какой массив знаний и информации, рассредоточенных среди множества индивидов, он способен аккумулировать, переработать и использовать? Чем больше этот массив, тем выше шансы, что данный порядок будет выигрывать в конкуренции с иными порядками и рано или поздно их вытеснять.

Традиции и институты, отбиравшиеся культурной эволюцией, позволили человечеству перейти сначала от малых групп собирателей-охотников к оседлому образу жизни в более крупных сообществах, а затем и к современной цивилизации или, как обозначал ее Хайек, к «расширенному порядку человеческого сотрудничества», который способен поддерживать жизнь миллиардов людей и который нашим доисторическим предкам, обитавшим в гораздо более примитивных условиях, показался бы фантастическим. Концепция культурной эволюции призвана ответить на вопрос, как и за счет чего стал возможен такой переход.

Первоначально предложенная Хайеком концепция встретила крайне прохладный, если не сказать враждебный, прием, причем даже среди его последователей и почитателей: предложенный им подход описывался как «грубый», «наивный», «догматичный», «фаталистичный» (отрицающий возможность сознательных улучшений в жизни общества), «противоречивый», «несовместимый с принципом методологического индивидуализма», «не соответствующий современным научным представлениям» и т.д. [Hodgson, 1993; Miller, 1989; Sechrest, 1998; Steele 1987; Vanberg, 1986]. Однако с течением времени тональность комментариев постепенно менялась и в новейших исследованиях его эволюционные идеи оцениваются уже совершенно иначе. В немалой степени это было связано с появлением и ростом популярности новой научной субдисциплины – эволюционной психологии, которой в то время, когда писал Хайек, еще не существовало.

В широком смысле к эволюционной психологии относят любые исследования, которые занимаются изучением видоспецифических поведенческих характеристик *Homo sapiens*. Ее исходная посылка – предположение о том, что эволюция является ключом к объяснению не только анатомии и физиологии, но и психологии человека. Говоря языком экономической теории, она пытается реконструировать глубинные пласты «функций полезности», имеющихся у индивидов, прилагая базовые принципы теории эволюции (такие как изменчивость, наследственность, репродуктивный успех) к данным (всегда

косвенным и неполным) о доисторическом прошлом человеческих сообществ [Koppl, 2004].

Как полагают эволюционные психологи, человеческое сознание (mind) – «это набор механизмов по переработке информации, возникших в процессе естественного отбора для решения адаптивных проблем, с которыми сталкивались наши предки охотники-собиратели» [Cosmides, Tooby, 1997]. Разные модули этой системы «специализируются на переработке разных типов информации» [Barkow et al., 1992, 599]. Это совпадает с представлениями Хайека, который начиная с самых ранних работ исходил из того, что человеческий мозг – это не моноцентричная, а полицентричная система [Hayek, 1952; см. также: Хайек, 2020c, 375]. Он также полагал, что сама структура нервной организации *Homo sapiens* сложилась тогда, когда люди жили малыми кочующими группами охотников-собирателей: «Эта врожденная структура, свойственная человеческой природе в течение, может быть, пятидесяти тысяч поколений, была приспособлена для жизни, в корне отличной от той, которую человек создал для себя за последние пятьсот, а для большинства из нас даже сто поколений» [Хайек, 2006, 481]. Общим для него и эволюционных психологов оказывается также представление о том, что из всех живых существ только люди обладают сложной кумулятивной культурой: «Самой важной чертой [человеческой] культуры является то, что она допускает постепенное, кумулятивное наращивание адаптаций на протяжении многих поколений, адаптаций, которые ни один индивид не мог бы осуществить сам по себе» [Richerson, Boyd, 2004, 45]. Кроме того, многие эволюционные психологи разделяют хайековскую идею, что главной движущей силой, направлявшей культурную эволюцию человечества, следует считать механизм группового отбора. Наконец, как и они, Хайек считал ошибочным полагать, что этот эволюционный процесс ограничивается последними 10–12 тыс. лет (с момента возникновения цивилизации), охватывая не более 1% от всего периода существования человека как вида. На самом деле его корни гораздо глубже: «Механизм культурной эволюции действует не с появления *Homo sapiens*, но в течение долгого времени существования рода человеческого и его гоминидных предков» [Хайек, 2006, 478][3].

[3] «Животные предки человека обрели определенные “культурные” традиции раньше, чем превратились в современного человека анатомически» [Хайек, 1992, 33].

Сегодня ключевые идеи Хайека, казавшиеся когда-то еретическими, приобрели в современных социальных исследованиях статус «почти ортодоксальных» и предстают как предвосхищение многих выводов эволюционной психологии [Stone, 2010, 2]. Наверное, еще удивительнее, что рождение самой этой новой субдисциплины было предсказано им за несколько десятилетий до ее реального появления (еще в середине 1960-х годов!): «Поскольку психология не удовлетворяется простым описанием правил, которым реально подчиняются индивиды, а стремится объяснять, почему они им подчиняются, она должна в значительной мере стать эволюционной социальной психологией» [Хайек, 2020c, 374].

Как полагает американский социолог Б. Стоун, в сжатом виде хайековская концепция культурной эволюции сводима к восьми главным пунктам:

«1. Культурная эволюция, в отличие от биологической, имеет дело с приобретенными признаками.

2. Человеческие гены и культура эволюционируют совместно. Они развиваются параллельно, а не последовательно.

3. Психологические способности, такие как подражание и социальное обучение, делают возможной передачу культурных признаков.

4. Наиболее важными среди передаваемых культурных признаков являются общие правила поведения или социальные нормы, которые позволяют людям предсказывать, что другие члены их группы, незнакомые им лично, будут делать в тех или иных обстоятельствах. Такие правила обеспечивают (социальный) порядок.

5. Отбор сохраняющихся в течение длительного времени и ставших традиционными правил, составляющих социальный порядок, осуществляется в ходе конкуренции с соседними группами. Культурный отбор есть форма группового отбора.

6. Традиции, сохраняемые в результате культурного группового отбора, отличны от инстинктов, отбор которых происходил в ходе биологической эволюции, и часто им противоречат. Наши способности к культуре и к идентификации с группами, включающими людей, которые не являются ни членами нашей семьи, ни нашими друзьями, создают для нас дилеммы — вступающие друг с другом в конфликт мысли, эмоции и пристрастия.

7. Традиции, сохраняемые благодаря культурному групповому отбору, делают возможным существование индивидуального разума и

превосходят то, на что он способен сам по себе. Культура позволяет адаптироваться к обстоятельствам, которых индивидуальный разум никогда не был бы в состоянии осознать.

8. Хотя биологическая эволюция и культурная эволюция различаются, особенно в отношении скорости, с какой они протекают, обе они основываются на одном и том же принципе отбора. Всякая форма эволюции связана с выживанием и репродуктивными преимуществами» [Stone, 2010, 2–3].

Далее мы попытаемся представить эти положения в более развернутом виде, особо обращая внимание на то, в какой мере они согласуются с выводами, к которым приходит сегодня эволюционная психология.

Общие представления

Эволюционные представления Хайека складывались на протяжении достаточно длительного периода, получив отражение в целой серии его работ: фундаментальной «Конституции свободы» (1960), эссе «Заметки об эволюции систем правил поведения» (1967), трилогии «Право, законодательство и свобода» (1973, 1997, 1979), прочитанной в Гуверовском институте лекции «Происхождение и влияние наших норм морали» (1984) и, наконец, в наиболее развернутом виде в его последней книге «Пагубная самонадеянность» (1988). Если в «Конституции свободы» он оперировал термином «социальная эволюция», то в последующих работах – из-за двусмысленности и идеологической нагруженности эпитета «социальная» – предпочтение было отдано более нейтральному и точному термину «культурная эволюция».

Нужно сказать, что Хайека всегда интересовали достижения биологической науки и он внимательно следил за ее развитием. Занятие этой дисциплиной было традиционным для его семьи, многие из его близких (дед, отец, младшие братья, сын и дочь) были профессиональными биологами и в юности он размышлял, не пойти ли ему по тому же пути. Сначала в Лондонской школе экономических и социальных исследований, а затем в Чикагском университете Хайек тесно общался с некоторыми виднейшими биологами того времени, преподававшими в этих научных центрах. Свою концепцию он разра-

батывал, хорошо представляя, как процесс эволюции трактуется и описывается в новейших трудах по теоретической биологии.

Согласно Хайеку, эволюционные подходы к изучению биологического и социального миров имеют общее концептуальное ядро: оба опираются «на один и тот же принцип отбора – принцип выживания, или репродуктивного преимущества. Изменчивость, приспособление и конкуренция образуют однотипные по сути процессы, сколь бы различными ни были их конкретные механизмы (особенно если говорить о механизмах размножения)» [Хайек, 1992, 49]. Более того, как он неоднократно подчеркивал, идея культурной эволюции даже старше идеи биологической эволюции: эволюционный подход сначала появился в социальных дисциплинах, таких как экономика, лингвистика и право, и лишь позднее был перенесен в биологию[4]. В этом контексте Хайек ссылался на большое влияние, которое оказало на Дарвина в решающий период выработки им своей теории знакомство с работами Т. Мальтуса и А. Смита: «Дарвин, – отмечал он, – позаимствовал основные идеи об эволюции из экономической теории» [Хайек, 1992, 46]. Вместе с тем обратное влияние дарвиновской теории на развитие социальной мысли он оценивал как по большей части негативное – прежде всего потому, что на этой почве возник социал-дарвинизм, который на много десятилетий дискредитировал саму идею культурной эволюции, резко затормозив ее дальнейшую разработку [Хайек, 1992, 50].

Если мы говорим о *культурной* эволюции, то, естественно, возникает вопрос: а что такое «культура»? В понимании этого феномена между Хайеком и современными эволюционными психологами обнаруживается много общего. В первом приближении можно сказать, что это любые аспекты сознания и поведения людей (или даже животных), которые не детерминированы генетически. По определению Р. Бойда и П. Ричарсона, культура – это «информация, способная влиять на поведение индивидов, которую они получают от других представителей своего вида посредством обучения, подража-

---

[4] «Дарвинистская, или биологическая, теория эволюции не была ни первой, ни единственной теорией подобного рода <...> Идея биологической эволюции возникла в результате изучения процессов развития культуры, осознанных раньше, – процессов, ведущих к созданию таких институтов, как язык <...> право, мораль, рынок и деньги» [Хайек, 1992, 45].

ния и других форм социальной передачи» [Boyd, Richerson, 2004, 5][5]. Но хайековский подход более нюансированный.

Систему человеческих ценностей Хайек описывал как сложную, слоистую структуру, которая строится по принципу суперпозиции, то есть последовательного наложения нескольких пластов, несущих на себе печать разных этапов биологической и культурной эволюции, через которые проходило человечество [Хайек, 2006, 481][6]. Хотя существует множество таких пластов, в первом приближении можно выделить три наиболее общих и наиболее важных.

Нижний слой составляют прочные, мало меняющиеся инстинкты, наследуемые генетически и определяемые физиологической природой человека. Такие поведенческие регулярности относятся к сфере не культуры, а биологии. Важнейшим преимуществом, унаследованным людьми от длительного периода инстинктивного развития, Хайек считал способность обучаться путем подражания: «В процессе естественного отбора у людей развился высокоэффективный орган, позволявший им учиться у своих собратьев» [Хайек, 1992, 217]. Без этого культурная эволюция была бы невозможна: «Пожалуй, самая важная способность, которой наряду с врожденными рефлексами человеческий индивид наделен генетически, — это его способность в ходе обучения приобретать навыки преимущественно путем подражания» [Хайек, 1992, 41].

Как отмечают эволюционные психологи, по своей способности к «обезьянничанью» человек действительно не имеет себе равных среди других представителей животного мира. Как полагал Хайек, важная роль в развитии этой способности принадлежала уникальному удлинению в процессе генетической эволюции периодов мла-

---

[5] Ср.: «Культура заключает в себе всю сумму социально передаваемых поведенческих паттернов, искусств, верований, общественной организации и всех прочих продуктов человеческого труда и мысли» [Палмер, Палмер, 2007, 27]. Сходным образом высказывался на эту тему и Хайек: «Маловероятно, что цивилизация и культура детерминируются и передаются генетически. Все [люди] одинаково осваивают их через усвоение определенных традиций <...> Не передающееся генетически нельзя считать биологическим феноменом» [Хайек, 1992, 32, 48].

[6] «И Дарвин и Хайек рассматривают человеческие взаимодействия как двухсоставные, основывающиеся на инстинктах и морали. Другими словами, поведение индивидов и взаимодействие между ними не только прямо и непосредственно инстинктивны, но также имеют моральное измерение. Эти два аспекта не могут быть разделены» [Marciano, 2009, 55].

денчества и детства человека: предоставляя «индивидам больше времени, чтобы приспособиться к тому или иному конкретному окружению и воспринять различные потоки традиций, сложившихся к моменту их рождения», это «способствовало невероятно большому разнообразию и, следовательно, мощному ускорению культурной эволюции и увеличению численности рода *Homo*» [Хайек, 1992, 139]. Способность перенимать опыт окружающих путем подражания стала важнейшим врожденным свойством человека еще и потому, что позднее она дала ему возможность подавлять с ее помощью какие-то иные природные инстинкты.

Выше располагаются остатки сменявших друг друга социальных структур, через которые на разных этапах своего существования проходило человечество. Это правила поведения, способствовавшие выживанию и экспансии тех групп, которые их принимали и начинали действовать в соответствии с ними: «Культурное наследие, в условиях которого рождается человек, состоит из совокупности установившихся практик, или правил поведения, вошедших в состав наследия потому, что обеспечили успех группе людей, которые не могли знать заранее, что именно эти правила поведения приведут к желаемому результату» [Хайек, 2006, 36–37]. С одной стороны, в отличие от генетических, такие культурные признаки не передаются автоматически. С другой, их нельзя считать продуктом человеческого разума: правила поведения не изобретались и не выбирались людьми сознательно ради достижения каких-то конкретных желанных целей, а отбирались в ходе конкуренции с другими правилами, потому что помогали своим носителям успешнее выживать и оставлять более многочисленное потомство. Обычно человеку бывает непонятно их предназначение, чаще всего он неспособен сформулировать их в явной, вербальной форме и оттого следует им бессознательно. К «культуре» в собственном смысле слова Хайек относил именно этот промежуточный пласт традиций, правил и моральных норм и, соответственно, использовал термин «культурная эволюция» для обозначения спонтанного процесса их рождения, изменения и развития: Культура есть явление не искусственное, но и не естественное: она не передается путем наследования, но и не планируется рационально. Она представляет собой «традицию заученных правил поведения, которые никогда не были изобретены, и вовлеченный в культурный процесс человек не знает их предназначения. Мы можем говорить о муд-

рости культуры так же, как мы говорим о мудрости природы» [Хайек, 2006, 477].

Наконец, на самой вершине находится тонкий слой правил, сознательно выбираемых или модифицируемых людьми ради достижения конкретных целей, то есть являющихся творением их разума. Эволюционно это самый «молодой» пласт человеческих ценностей. В хайековском понимании собственно «культура» располагается *между* природными инстинктами и рациональным мышлением, но не сводится ни к тому ни к другому: «Культура не является ни естественной, ни искусственной, ни передаваемой генетически, ни проектируемой рационально» [Хайек, 2006, 477, с изменениями]. То, что создано культурой, находится между тем, что создано генами, и тем, что создано рациональным мышлением: «Как инстинкт древнее обычая и традиции, так и последние древнее разума: обычай и традиции находятся *между* инстинктом и разумом – в логическом, психологическом и временном смысле. Они не обусловлены ни тем, что именуется иногда бессознательным, ни интуицией, ни рациональным пониманием. Хоть и основанные на опыте человека (в том смысле, что они складывались в ходе культурной эволюции), они формировались не путем выведения рациональных заключений из конкретных фактов или осознания того, что вещи ведут себя каким-то определенным образом» [Хайек, 1992, 44, с изменениями].

Как подчеркивал Хайек, три эти фундаментальных источника человеческих ценностей не автономны, но всегда находятся в сложном взаимодействии друг с другом. Так, биологическое наследование посредством генов определяет, что может, а что не может быть усвоено посредством обучения (то есть – через культуру) [Хайек, 1992, 251]. Но и приобретенные культурные признаки могут оказывать обратное влияние на направление биологической эволюции. Наиболее известный пример – появление у людей зачатков языка, которое благоприятствовало генетическому отбору такого речевого аппарата (за счет изменения строения гортани), который позволил пользоваться языком с наибольшей эффективностью[7]. Отсюда – хайековское пред-

---

[7] «Приобретенные культурные признаки могут влиять на физиологическую эволюцию. Так происходит, очевидно, с языком: первые признаки его появления превращают лучшую способность индивида к артикуляции в большое преимущество, благоприятствуя тем самым генетическому отбору пригодного речевого аппарата» [Хайек, 2006, 477–478].

ставление о *коэволюции* генетических и культурных, наследственных и приобретенных признаков. Культуру, отмечал он, следует считать важнейшим фактором окружающей среды, направлявшим недавнюю генетическую эволюцию человека[8]. Это полностью согласуется с выводами эволюционной психологии, в которой была предложена теория «двойного наследования» или «генно-культурной коэволюции» [Boyd, Richerson, 2005]. Результаты геномных исследований показывают, что на протяжении последних 10 тыс. лет с начала эпохи неолита скорость генетических изменений у человека была в 100 раз выше, чем за любые другие 10 тыс. лет из тех предшествующих 6 миллионов с того момента, когда для него в последний раз фиксируется общий с шимпанзе предок [Hawkes et al., 2007].

Точно так же сложные отношения связывают культуру и разум, правила, которые усваиваются бессознательно и которые устанавливаются преднамеренно. Хайек отвергал расхожее представление о том, что культурная эволюция есть продукт деятельности интеллекта, способного сознательно проектировать нормы и институты, так что сначала человек стал разумным существом, а уже потом создал культуру. Такой подход он называл «конструктивистским».

В реальности между культурой и разумом точно так же наблюдается процесс *коэволюции*: «Сознание и культура развивались одновременно, а не последовательно» и «их связывают отношения взаимодействия, а не преемственности» [Хайек, 2006, 477–478, с изменениями]. Человек принял определенные правила поведения не потому, что был разумен: «Полезнейшие из человеческих институтов, от языка до морали и права, вовсе не были изобретены человеком сознательно – недаром он и сегодня не понимает, зачем их надо сохранять, если они не удовлетворяют ни его разум, ни его инстинкт. Основные инструменты цивилизации – язык, мораль, право и деньги – суть результат не проекта, а спонтанного развития» [Хайек, 2006, 484]. Ситуация здесь скорее обратная – человек стал разумен, подчинив свое поведение определенным правилам: «Культурный отбор – не рациональный процесс; он не направляется разумом, а создает разум» [Хайек, 2006, 488]; «Человек не рождается мудрым, рацио-

---

[8] По замечанию Хайека, считать, что «культурная эволюция целиком относится к более позднему времени, чем биологическая или генетическая, значит упускать из виду самую важную стадию эволюционного процесса: ту, на которой сформировался сам разум» [Хайек, 1992, 43].

нальным и добрым – чтобы стать таким, он должен обучиться. Наша мораль отнюдь не есть продукт нашего интеллекта; скорее, человеческое взаимодействие, регулируемое нашими моральными нормами, делает возможным развитие разума и способностей, связанных с ним» [Хайек, 1992, 42].

Про человеческий мозг можно сказать, что это орган, способный усваивать культуру, но неспособный ее проектировать, во всяком случае – проектировать ее «с нуля». По сути, в основе эволюционных представлений Хайека лежит мысль о *социальной укорененности* индивидуального сознания: «Человек не наделен уже от рождения тем, что мы называем сознанием (mind), – это не мозг, с которым он рождается, и не то, что его мозг вырабатывает, а то, что его генетический аппарат помогает ему <…> усваивать по мере взросления от своей семьи и от старших, впитывая результаты генетически не передаваемых традиций» [Хайек, 1992, 43, с изменениями)». Разум есть продукт адаптации к природному и социальному окружению человека, формировавшийся в постоянном взаимодействии с институтами, которые определяли структуру общества: «Он является результатом того, что человек развивался в обществе и приобретал те привычки и навыки, которые повышали шансы его группы на выживаемость» [Хайек, 2006, 36].

Вместе с тем человеческие ценности, ведущие происхождение из разных источников, могут вступать друг с другом в конфликт, подавая взаимоисключающие сигналы. Это – одна из сквозных тем эволюционных размышлений Хайека. По его наблюдениям, наиболее болезненные проблемы современности коренятся как раз-таки в рассогласованности «инструкций» (представлений и эмоций), которые транслируют человеку гены, культура и разум (подробнее этот вопрос будет обсуждаться ниже).

Две эволюции: сходства и отличия

Согласно Хайеку, два типа эволюции – биологическая и культурная – обладают как фундаментальными сходствами, так и существенными отличиями: «Культурная эволюция, будучи самостоятельным процессом, вместе с тем во многих важных отношениях похожа на генетическую или биологическую» [Хайек, 1992, 246]; «Идея куль-

турной эволюции на основе отбора» является «аналогичной, хотя и не полностью, биологической эволюции» [Хайек, 2006, 476].

И в том и в другом случае эволюционное развитие предстает как «процесс непрерывного приспособления к непредвиденным событиям, к случайным обстоятельствам, которые невозможно было предсказать» [Хайек, 1992, 48]. Как биологическая, так культурная эволюция не имеют никакой глобальной цели, на достижение которой они были бы направлены. У них общая логика и их объяснения строятся по сходной аналитической схеме [Marciano, 2009].

Так, в обоих случаях проводится различие между единицами отбора[9] и их передатчиками-носителями (vehicles) («машинами для выживания», по образному выражению Р. Докинза [Докинз, 2022]). В первом это гены и индивидуальные организмы, во втором – правила индивидуального поведения и социальные порядки. В единицах отбора, будь то гены или правила, закодирована информация, касающаяся формирования и функционирования их носителей. В своей жизнедеятельности организмы следуют инструкциям, исходящим от генов, которые они несут в себе. Правила поведения – это тоже инструкции о том, как нужно или не нужно действовать, от которых в конечном счете зависят устойчивость и развитие общего порядка в социуме.

Никакой эволюционный процесс невозможен без наличия высокоточных репликаторов: в органическом мире это гены, способные создавать точные копии самих себя. Но копирование не всегда протекает без осечек, появление дефектных копий (мутаций) предстает как потенциальный источник изменчивости. В социальном мире правила поведения точно так же реплицируются путем их копирования, но не через биологическое наследование, а через подражание и обучение нормам и практикам, выработанным предыдущими поколениями. В качестве «мутаций» в этом случае выступают новые пробные правила, отклоняющиеся от прежних: «Изменения правил поведения, вносимые исторической случайностью, действуют аналогично генетическим мутациям» [Хайек, 1992, 39]. Причем такого рода «мутации» не всегда оказываются полностью случайными: когда дела в группе идут плохо, это побуждает ее членов чаще нарушать старые

---

[9] Единицы отбора – это структуры или объекты, обладающие способностью при определенных условиях реплицировать самих себя (воспроизводиться) [Whitman, 1998].

правила и активнее экспериментировать с новыми. И подобно тому, как генетическая изменчивость может давать преимущество какому-то организму в конкуренции с другими организмами, вариация правил поведения может давать преимущество какому-то одному типу социального порядка в конкуренции с другими его типами.

И в органическом и в социальном мире отбор направляется репродуктивным успехом: в конкуренции между разными генами или разными правилами выживают те, которые способствуют образованию более жизнеспособных и многочисленных популяций. Что «хорошо» для выживания организма, также оказывается «хорошо» для выживания и размножения находящихся в нем генов. Аналогичные отношения связывают общий социальный порядок и отдельные поведенческие практики. В обоих случаях отбор происходит на уровне «машин для выживания» (организма или социального порядка), но то, что отбирается, – это репликаторы (наборы генов или системы правил). Действия, вредные с точки зрения адаптации, приводят к преждевременному исчезновению «машин для выживания», а вместе с ними и единиц отбора, которые они могли бы «транспортировать».

Наконец, подобно естественному отбору, культурный отбор является «назад смотрящим» – определить, какие из альтернативных правил поведения обладают лучшими адаптивными свойствами, можно только постфактум. Как следствие, ни будущую биологическую, ни будущую культурную эволюцию невозможно рационально прогнозировать и контролировать [Хайек, 1992, 48].

Вместе с тем эти эволюционные процессы совпадают далеко не во всем. Хайек выделял несколько принципиальных отличий. Во-первых, если биологическая эволюция практически исключает наследование приобретенных признаков, то все развитие культуры строится именно на таком наследовании. Приобретенные индивидом признаки и практики могут быть транслированы сначала другим членам его собственной группы, а затем и членам других групп: «Хотя в настоящее время биологическая теория исключает наследование приобретенных признаков, все развитие культуры держится на подобном наследовании – не врожденных, а усвоенных признаков в виде правил, регулирующих взаимоотношения индивидов» [Хайек, 1992, 47]. В этом смысле культурная эволюция, по выражению Хайека, «*имитирует* (simulate) ламаркизм» [Хайек, 1992, 47] и, следова-

тельно, «механизм культурной эволюции не является дарвинистским» [Хайек, 1992, 45]. Если в рамках биологической эволюции признаки жестко «встроены» в индивидуальные организмы и поэтому сохраняются лишь до тех пор, пока в каждом поколении рождаются обладающие этими признаками особи, то в рамках культурной эволюции это не обязательно так: у индивидов имеется возможность сделать выбор в пользу какого-то иного признака (регулярности поведения), носителями которого они изначально не были. Поведенческие репертуары людей не запрограммированы генетически, а являются преимущественно продуктом социального обучения и накопления опыта.

Во-вторых, культурная эволюция осуществляется через передачу информации не только от биологических родителей, но от гораздо более широкого круга ее носителей. Это могут быть как другие взрослые индивиды, с которыми коммуницирует человек, не находясь с ними в родстве, так и предшествующие поколения, опыт которых, зафиксированный в той или иной символической форме, он способен перенять [Хайек, 1992, 47].

В-третьих, поскольку культурные признаки могут приобретаться от неограниченного числа «предков», скорость культурной эволюция оказывается на порядок выше, чем биологической: резкие изменения в культуре могут происходить за такие короткие промежутки времени, за которые генотип поменяться бы не мог [Хайек, 1992, 47][10]. Из-за этой разницы в темпах раз начавшись, культурная эволюция «с определенного момента оттесняет генетическую» [Хайек, 2006, 478]. Необычайная скорость, с которой могут появляться и распространяться новые культурные практики, Хайек рассматривал как свидетельство того, что именно изменения в культуре являются главной силой, направляющей эволюцию человека, поскольку биологическая передача благоприятных признаков представляет собой несравненно более медленный процесс: «Культурная эволюция <...> ныне доминирует на арене человеческой деятельности» [Хайек, 2006, 476].

---

[10] Ср.: «Генетические мутации не могут ускориться в случае необходимости, а появившись, они вряд ли окажутся полезными. Большинство из них крайне дезадаптивны. В противоположность этому идеи, решающие какую-либо проблему, могут быть созданы и распространены (через речь) за несколько секунд» [Палмер, Палмер, 2007, 187].

В-четвертых, если движущим механизмом биологической эволюции выступает внутригрупповая, то культурной – межгрупповая конкуренция. Если естественный отбор направляется конкуренцией между индивидами, то культурный – конкуренцией между группами (точнее – социальными порядками, которые в них возникают). Выживают и оставляют более многочисленное потомство не просто более приспособленные индивиды, но более приспособленные группы, которые живут и действуют, исходя из более эффективных правил [Хайек, 1992, 47]. Хотя это не значит, что внутригрупповая конкуренция перестает действовать, но ведущая роль переходит к межгрупповой конкуренции: с эволюционной точки зрения репродуктивные преимущества целых человеческих сообществ оказываются важнее репродуктивных преимуществ отдельных человеческих особей.

В-пятых, в органическом мире проигрыш в борьбе за выживание предполагает физическое исчезновение как самих «неподходящих» генов, так и их носителей. В социальном мире это не обязательно так: исчезновение нормы не требует физического исчезновения индивидов, которые первоначально ей следовали. «Смерть» нормы означает лишь то, что не осталось никого, кто теперь бы ее придерживался, но это чаще всего происходит в результате перехода ее прежних носителей – за счет подражания и обучения – к какой-то иной норме, что становится возможно благодаря «ламаркистской» природе культурной эволюции. Механизмом, который дает возможность группам, у которых правила лучше, вытеснять группы, у которых они хуже, выступает групповой отбор. Такая конкуренция между группами может принимать разные формы и действовать по разным каналам: 1) через войны, когда более успешные группы подчиняют себе менее успешные; 2) через миграцию членов менее успешных групп в более успешные; 3) через подражание менее успешных групп более успешным, то есть через копирование чужих правил [Хайек, 2006, 526; 1992, 206–207][11].

[11] «Поскольку мы часто говорим о “группах, получающих преобладание над другими”, необходимо подчеркнуть, что это не обязательно означает победу в вооруженном столкновении или даже вытеснение членами такой группы отдельных членов в других группах. Намного вероятнее, что успех группы привлечет посторонних, которые вольются в нее и станут своими. Иногда успешная группа образует аристократию в данном обществе, а в силу этого и образец для поведения всех остальных» [Хайек, 2006, 526]. Но такой результат не гарантирован. Как отмечал Хайек, группы с более эффективными правилами нередко могли проигрывать груп-

Важно отметить, что возможность передачи приобретенных признаков делает само понятие «группа» пластичным. Границы «группы» начинают задаваться не столько ее местоположением или плотностью контактов, сколько культурной общностью, то есть приверженностью одним и тем же традициям, нормам и практикам. Если какая-то группа отказалась от правила *A*, которому она следовала раньше, и вместо него перешла к выработанному соседней группой правилу *B*, то в плане культурной эволюции их уже можно рассматривать как единую группу: обе оказываются носителями одного и того же поведенческого паттерна. Переключаясь на иные правила, индивиды оказываются способны менять де-факто свою групповую принадлежность. Именно поэтому, как уже говорилось, «вымирание» в ходе культурной эволюции менее адаптивных поведенческих паттернов вовсе не предполагает прекращения физического существования индивидов, которым они были присущи. Исчезновение какой-то культурной группы означает лишь то, что не осталось никого, кто бы придерживался действовавших в ней когда-то правил [Gick, Gick, 2000]. Люди обладают способностью ранжировать группы в зависимости от принятых в них правил и норм и выбирать для себя групповую принадлежность, перенимая соответствующие культурные практики.

Теоретическая основа: концепции-близнецы

«Универсальным ключом» к пониманию сложных социальных феноменов Хайек считал, как он выражался, «концепции-близнецы» – спонтанного порядка и культурной эволюции [Hayek, 1984, 320][12]. Именно они составляют теоретическую основу хайековского подхода. Объединяет эти концепции-близнецы идея «спонтанности» – при-

---

пам с менее эффективными правилами: «В феодальные века после вооруженного захвата отряды воинственных землевладельцев-аристократов налагали на городское население закон, сохранявшийся от более примитивной стадии экономической эволюции. Такова еще одна разновидность процесса, посредством которого крепче спаянное общество, способное привлечь индивидов возможностью непосредственного захвата добычи, может вытеснять более цивилизованное общество» [Хайек, 2006, 605, с изменениями].

[12] Вообще, главную задачу социальных наук Хайек видел в изучении «упорядоченных структур, являющихся продуктом действия многих людей, но не результатом человеческого замысла» [Хайек, 2006, 55].

знание самоорганизующегося и саморегулирующегося характера базовых социальных институтов, то есть отказ видеть в них воплощение чьего-либо сознательного замысла. В этом смысле не кажется простым совпадением, что Хайек строил их с использованием единого аналитического аппарата – понятий «порядка» и «правил». Однако предмет объяснения у них разный.

Концепция спонтанного порядка призвана объяснять, как из поведения множества индивидов, преследующих разные цели, но действующих по общим правилам, может возникать социальный порядок, создание которого не входило в намерения никого из них. Задача концепции культурной эволюции – осмысление процесса, в ходе которого появляются и закрепляются те самые правила, из которых в конечном счете и вырастает социальный порядок. По Хайеку, ответ на первый вопрос дает принцип «невидимой руки», ответ на второй – принцип группового отбора. В первом случае анализ носит синхронический, во втором – диахронический характер. Важно отметить, что переход от концепции спонтанного порядка к концепции культурной эволюции сопровождается у него своего рода объяснительной инверсией: если в первой в качестве причины выступают правила индивидуального поведения, а в качестве следствия – формирующийся благодаря им социальный порядок, то во второй они меняются местами, когда конкуренция между альтернативными социальными порядками начинает определять, какие наборы правил поведения будут выживать и воспроизводиться, а какие отбраковываться и переставать существовать[13]. В его понимании целостная социальная теория должна включать оба эти элемента и учитывать оба эти направления каузальности.

Под «правилами» Хайек понимал любые регулярности в поведении индивидов: как врожденные (передаваемые генетически), так и усвоенные (передаваемые культурно), как самоподдерживающиеся (self-enforced), так и требующие для своего выполнения каких-то санкций [Хайек, 2020c, 365]. Правило, по его определению, – это «предрасположенность действовать определенным образом в ситуациях определенного рода» [Хайек, 2006, 189]. Что касается «поряд-

---

[13] «Это подразумевает своего рода перестановку <...> между причиной и следствием <...> в том смысле, что структуры, обладающие тем или иным порядком, продолжают существовать постольку, поскольку их составные элементы делают то, что необходимо для сохранения порядка» [Хайек, 2020c, 379].

ка», то под ним он понимал такое «положение вещей, при котором множество элементов разного типа оказываются связаны между собой так, что, познакомившись с каким-либо временным или пространственным фрагментом целого, мы можем научиться строить относительно всего остального правильные ожидания или, по меньшей мере, ожидания с хорошими шансами на то, что они окажутся правильными» [Хайек, 2006, 53–54, с изменениями][14]. Упорядоченные структуры такого рода встречаются как в природе (галактики, солнечные системы, живые организмы), так и в обществе (рынок и иные социальные системы) [Хайек, 2020c, 375][15].

Очевидно, что любое общество должно быть так или иначе упорядочено: без этого оно не смогло бы существовать. И поскольку большинство наших потребностей удовлетворяется за счет различных форм сотрудничества с другими людьми, достижение нами своих целей зависит от того, в какой мере предпринимаемые ими действия, необходимые для выполнения наших планов, соответствуют тому, что мы от них ожидаем: «Согласованность намерений и ожиданий, определяющая действия разных индивидов, и есть форма проявления порядка в социальной жизни» [Хайек, 2006, 54, с изменениями]. В социальном порядке жизнь людей оказывается предсказуемой и каждый знает (хотя бы в первом приближении), как ему реагировать на ту или иную ситуацию: «Мир достаточно предсказуем лишь до тех пор, пока соблюдаются установленные процедуры, но он становится пугающим, когда от них отступают» [Хайек, 2020c, 383].

Типы порядка. В зависимости от происхождения Хайек выделял порядки двух типов – конструируемые сознательно и вырастающие самопроизвольно. В первом случае порядок устанавливается сила-

---

[14] В своем анализе Хайек иногда использовал как взаимозаменяемые такие парные понятия, как «порядок/элементы» и «группы/индивиды» (поскольку границы всякой группы де-факто задаются действующим в ней порядком) [Хайек, 2020c, 365].

[15] Главная особенность, отличающая социальные порядки от природных и придающая им намного большую степень сложности, связана с тем, что входящие в их состав элементы наделены сознанием и способны действовать целенаправленно. Из-за этого порядки, складывающиеся в человеческих сообществах, несравненно сложнее, чем порядки, складывающиеся в стаях птиц или косяках рыб, – подобно тому, как паттерны, возникающие среди птиц или рыб, значительно сложнее паттернов, возникающих при взаимодействии шаров на бильярдном столе [D’Amico, 2015].

ми, находящимися вне системы (экзогенно), а именно – неким персональным творцом (индивидуальным или коллективным), который его задумывает, расставляет все элементы по местам и затем управляет их движением. Во втором случае он устанавливается изнутри системы (эндогенно), когда все элементы сами находят свои места, складываются без какого-либо предварительного плана в согласованную структуру и затем самостоятельно подстраиваются к меняющимся условиям: «Спонтанный порядок возникает в результате того, что каждый элемент осуществляет уравновешивание действующих на него сил и согласовывает друг с другом все свои действия» [Хайек, 2006, 69, с изменениями]. Достаточно очевидно, что когда «множество отдельных элементов подчиняются определенным общим законам, это, конечно, может привести к появлению того или иного порядка для всей их массы без вмешательства внешней силы» [Хайек, 2020a, 212, с изменениями]. Такие порядки, следовательно, «не являются результатом учета всех факторов единым центром», а «производятся реакцией отдельных элементов на их ближайшее окружение» [Хайек, 2020a, 212, с изменениями].

Для обозначения устойчивых паттернов первого типа Хайек использовал термин «организация», тогда как второго – термин «спонтанный порядок»[16]. Пример первых: распределение предпринимателем трудовых функций между сотрудниками своей фирмы. Пример вторых: система разделения труда в масштабе всей экономики (в том числе – мировой)[17]. К сознательно управляемым организациям относятся армии, правительственные учреждения, промышленные корпорации, к самоорганизующимся и саморегулирующимся структурам – язык, право, фольклор, мораль, рынок, деньги, которые возникали непреднамеренно, без предварительно составленного плана или хотя бы догадок со стороны людей, что таким образом они смогут обеспечить согласование своих разнонаправленных интересов и целей. Подобные социальные структуры занимают как бы промежуточное положение между миром природных объектов, существую-

---

[16] В теории сложности для обозначения порядков, которые Хайек называл «спонтанными», используется термин «сложные адаптивные системы».

[17] «Одна из самых важных в обществе самовоспроизводящихся систем – система диверсифицированного разделения труда, в которой люди приспосабливают свои занятия друг к другу, даже не зная друг друга лично» [Хайек, 2006, 480].

щих независимо от человека, и миром искусственных объектов, рожденных его волей и интеллектом (см. обсуждение выше).

Описывая природу спонтанных порядков, Хайек часто использовал формулы, принадлежащие двум великим шотландцам – Адаму Смиту и Адаму Фергюсону[18]. Первая – это знаменитая метафора Смита о «невидимой руке», раскрывающая взаимосвязь действий на микроуровне с эмерджентными эффектами на макроуровне. В «Богатстве народов» Смит ссылался на конкурентный рынок как на пример нередких ситуаций, когда, преследуя лишь свою собственную выгоду, индивид «оказывается ведом некой невидимой рукой к цели (созданию благотворного социального порядка – *Р. К.*), которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» [Смит, 2007, 443, с изменениями]. Вторая – это высказывание Фергюсона, описывающее скрытую механику формирования подобных порядков. По его мысли, многие социальные институты представляют собой «результат человеческой деятельности, но не исполнения человеческого замысла» [Ferguson, 1996, 122]. Говоря иначе, они выступают не реализацией чьих-либо сознательных планов, а непредвиденным результатом взаимодействия людей, стремящихся к несовпадающим целям[19].

Сознательные порядки относительно просты (степень их сложности не может быть выше той, что способен проконтролировать организатор-регулятор), конкретны (поддаются непосредственному наблюдению) и всегда служат специфическим целям своих создателей. Они функционируют по заранее выработанным планам и управ-

---

[18] «Идея спонтанного социального упорядочения через процессы межиндивидуального взаимодействия была, по сути, главной гипотезой, альтернативной господствовавшим ранее теориям, которые связывали благоденствие общества с высшей мудростью и/или божественными правами власть предержащих» [D'Amico, 2015, 129].

[19] Ему же принадлежит одно из самых ранних описаний спонтанного порядка: «Все в природе взаимосвязано; и сам мир состоит из частей, которые, как камни арки, поддерживают друг друга и поддерживаются друг другом. Такой порядок вещей складывается из движений, которые пребывая, по видимости, в состоянии разрозненности и противодействия, взаимно регулируют и уравновешивают друг друга» [Ferguson, 1973, 327–328].

ляются сверху из единого центра. Спонтанные порядки могут быть любой степени сложности (они не ограничены тем, что способен проконтролировать ум отдельного человека), абстрактны (чаще всего они недоступны нашим органам чувств и допускают только мысленную реконструкцию) и не имеют какого-либо узкоспециального предназначения. Они не воплощают ничьего замысла и координируются снизу за счет взаимной «притирки» входящих в их состав элементов: это «полицентричный порядок, каждый элемент которого руководствуется лишь правилами и не получает никаких приказов от центра» [Хайек, 2020c, 375].

Абстрактный характер спонтанных порядков подразумевает, что структура отношений, которую они воплощают, способна сохраняться даже при полном изменении их состава или изменении числа входящих в них элементов[20]. Поскольку они обходятся без «авторов», у них нет и не может быть специальных целей, ради которых бы они создавались, – хотя их существование может оказываться полезным для тех, кто в них участвует, помогая им реализовывать свои частные устремления. Иными словами, их «бесцельность» не означает ни их бесполезности, ни их несовместимости с существованием целенаправленных действий на индивидуальном уровне: «Любой порядок служит нашим целям, ориентируя наши действия и обеспечивая определенное соответствие между ожиданиями разных людей [Хайек, 2006, 275][21].

Фундаментальное отличие между сознательными и спонтанными порядками Хайек связывал с тем, что они строятся на основе регулярностей разного типа: первые – на основе конкретных команд-приказов, вторые – на основе абстрактных правил поведения. Приказы, определяющие деятельность организаций, адресуются конкретному кругу лиц, предписывают им конкретные действия и направлены на достижение конкретных целей [Хайек, 2006, 182]. При

[20] Хайек проводил аналогию с алгебраическими выражениями, в которых переменные могут принимать множество разных конкретных значений, но в которых отношения между переменными всегда остаются теми же [Хайек, 2020b, 344]. Из-за «алгебраичности» сложных социальных порядков их структура и даже сам факт их существования оказываются недоступными для непосредственного восприятия и «могут осознаваться только на основе объясняющей их теории» [Хайек, 2006, 57].

[21] «Абстрактный порядок целого <...> сохраняется как средство, помогающее преследовать огромное множество индивидуальных целей, но он не ставит целью достижение известных конкретных результатов» [Хайек, 2006, 173, с изменениями].

решении многих частных задач они оказываются наиболее эффективным методом координации, поскольку позволяют создать порядок, в наибольшей степени отвечающий нашим желаниям [Хайек, 2006, 64]. Обеспечивается такая координация за счет общности целей, на достижение которых – через подчинение командам сверху – оказываются направлены действия всех членов организации [Хайек, 2006, 68]. Но для этого необходимо, чтобы значимая информация обо всей совокупности конкретных фактов, от которых зависит успех ее деятельности, была сконцентрирована в одном месте, а именно – у тех, кто ее возглавляет. В условиях общей неопределенности – при множественности целей и рассредоточенности значимой информации – требуется иной механизм координации.

В отличие от приказов абстрактные правила поведения относятся к неизвестному числу будущих ситуаций, адресуются неограниченному кругу лиц и не преследуют никаких явно выраженных целей [Хайек, 2006, 182]. Координация в таком случае достигается не за счет общности целей, а за счет общности правил поведения, что создает порядок даже между людьми с несовпадающими устремлениями. Правила – в отличие от приказов-команд – служат не обеспечению успеха какого-то одного плана действий, но согласованию множества самых разных планов [Хайек, 2006, 190]. Если приказ сообщает каждому, что он *должен* делать, то правило – что он делать *не должен*: «Правила поведения всегда действуют как запрет на действия» [Хайек, 2020c, 368]. Соответственно, у индивидов сохраняется возможность в достаточно широких пределах действовать исходя из собственных представлений и интересов, применяя личные знания и личные навыки независимо от чьих бы то ни было указаний и каких бы то ни было общих целей. Это создает условия для максимально полного использования знаний, рассеянных среди членов общества. В этом, по мысли Хайека, решающее «знаньевое» преимущество самоорганизующихся социальных структур над намеренно конструируемыми: правила помогают преодолевать ограниченность индивидуального сознания и приспосабливаться к будущим фактам, недоступным во всей полноте никакому отдельному человеку [Хайек, 2006, 176].

В любых обществах любой степени сложности всегда сосуществуют порядки и того и другого типа, причем один человек может принадлежать и к нескольким разным организациям, и к нескольким

разным спонтанным субпорядкам одновременно [Хайек, 2006, 64–65]. Однако всеобщий социальный порядок, в функционировании которого они могут участвовать в качестве его подсистем, всегда будет складываться спонтанно: «Общества тем отличаются от сложных структур более низкого уровня, что их элементы сами являются сложными структурами» [Хайек, 2020c, 378].

Правила как источник социального порядка. Формирование спонтанных порядков становится возможно, когда реакции их элементов на внешние условия отличаются регулярностью. «Регулярность» означает здесь просто то, что поведение элементов подчинено каким-то правилам [Хайек, 2006, 61]. Когда они действуют по правилам, между ними возникает устойчиво воспроизводящаяся сеть отношений, то есть – порядок: для его формирования, утверждал Хайек, необходимо, чтобы «в известных ситуациях каждый следовал определенным правилам, или, иначе говоря, чтобы действия каждого не выходили за пределы определенного диапазона поведения» [Хайек, 2006, 62–63]. Однако порядок нельзя считать просто зеркальным отражением набора правил поведения, которые регулируют взаимодействие между его элементами: взаимнооднозначного соответствия здесь нет.

Во-первых, по Хайеку, следование индивидуальным правилам поведения является необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием для возникновения жизнеспособного социального порядка. Не всякая регулярность в поведении элементов будет приводить к его установлению – некоторые общие правила, управляющие индивидуальным поведением, делают формирование порядка невозможным и порождают хаос (в этом контексте Хайек ссылался на второй закон термодинамики): «В обществе некоторые формы весьма регулярного поведения людей могут порождать только беспорядок: если бы существовало правило, что человек должен убивать любого, кто встретится у него на пути, или спасаться бегством при виде другого человека, результатом стала бы полная невозможность порядка, в рамках которого деятельность индивидов была бы основана на сотрудничестве с другими людьми» [Хайек, 2006, 62]. Социальная жизнь возможна в условиях только строго определенного набора правил поведения – из огромного множества их теоретически возможных альтернативных вариантов. Есть большой класс норм, при которых социальная жизнь была бы невозможна: «Соблюдение неподходящих

правил может стать причиной беспорядка, и можно представить себе правила личного поведения, способные сделать невозможной интеграцию отдельных действий во всеобщий порядок» [Хайек, 2006, 123].

Во-вторых, формирование социального порядка определяется не только правилами поведения, но также особенностями внешней среды, в которой протекает деятельность индивидов: «Конкретное воплощение абстрактного порядка зависит не только от правил, управляющих поведением его элементов, но и от исходного положения каждого из них, а также от всех особых обстоятельств их ближайшего окружения, на которые каждый элемент будет реагировать в ходе формирования порядка» [Хайек, 2006, 58, с изменениями]. В разной среде один и тот же набор правил поведения может приводить к появлению непохожих порядков с отличающимися характеристиками. И наоборот: при определенных условиях один и тот же порядок действий может поддерживаться разными правилами поведения. Говоря иначе, априори нельзя исключать возникновения такой ситуации, когда люди, следующие разным наборам правил, в итоге будут вести себя сходным образом.

Формирование спонтанного порядка — это всегда результат *взаимодействия* правил поведения и окружающей среды, результат того, что «реакция его элементов на непосредственное окружение подчиняется определенным правилам» [Хайек, 2006, 61]. Причем речь идет не только о характеристиках окружающей среды, существующих в данный момент времени, но и о ее характеристиках, существовавших когда-то в прошлом (в том числе — весьма отдаленном): «Существование таких структур <...> может зависеть не только от их реального окружения, но и от существования в прошлом многих других окружающих сред, более того, от определенной последовательности таких сред, которые сменяли друг друга в таком порядке лишь единственный раз в истории мироздания» [Хайек, 2020c, 376][22]. Если изменение внешних условий нарушит прежнюю связь между правилами индивидуального поведения и социальным порядком, люди могут начать экспериментировать с новыми правилами: «Изменение обстановки может потребовать, в целях сохранения целого, изменений порядка группы и, соответственно, правил поведения индивидов»

[22] По сути, Хайек указывает здесь на феномен, который в новейшей литературе обозначается как «зависимость от предшествующего пути развития» (path dependence).

[Хайек, 2020c, 371]. В результате таких экспериментов какие-то из новых правил могут закрепиться, порождая новый социальный порядок [Gedeon, 2015].

В-третьих, одни системы правил поведения обеспечивают более эффективные социальные порядки, другие – менее эффективные. При этом преимущества одних порядков над другими точно так же определяются не просто характеристиками правил, на которые они опираются, но также характеристиками среды, в которой они действуют. При разных внешних условиях более продуктивными могут оказываться разные порядки и разные правила.

Итак, согласно Хайеку, какие-то системы правил порождают благоприятные социальные порядки, какие-то – неблагоприятные, а какие-то вообще беспорядок и хаос[23]. Нам редко удается наблюдать случаи полностью дисфункциональных порядков, потому что они быстро распадаются и перестают существовать: «Мы не знакомы с понятием о нежизнеспособных системах морали и, уж конечно, не можем их наблюдать на практике, потому что общества, проверяющие их на себе, быстро исчезают» [Хайек, 2006, 266]. Но что касается всех остальных, то в долгосрочной перспективе больше шансов на выживание будут иметь те из них, чьи адаптивные возможности выше (собственно здесь на сцену и выходят идеи эволюции и группового отбора)[24].

Исходный пункт эволюционных построений Хайека – мысль о том, что системы правил поведения и общий порядок действий группы, возникающий в результате соблюдения этих правил индивидами, – далеко не одно и то же. Упорядоченность целого нельзя смешивать с регулярностью поведения его частей, потому что «итоговый порядок действий группы <...> представляет собой нечто большее, чем совокупность регулярностей, наблюдаемых в действиях инди-

---

[23] Хотя Хайек не пользовался этой терминологией, можно сказать, что его теория спонтанного порядка учитывает возможность «запирания» обществ в «плохих» равновесиях: «Тезис о том, что значительная часть экономических и социальных институтов сформировалась в результате процессов отбора, действующих на групповом уровне, полностью совместим с идеей о том, что какие-то из них иррациональны и нефункциональны» [Andreozzi, 2005, 245].

[24] Отсюда следует, что спонтанное происхождение порядка не гарантирует его «оптимальности»: «Фактически многие спонтанные порядки, образуемые людьми, которые цепляются за свои местные нормы, достаточно чудовищны; они намного хуже их ближайших альтернатив или даже полного отсутствия норм, регулирующих данную конкретную сферу» [Schaefer, 2021].

видов, и не может быть сведен к ним без остатка» [Хайек, 2020с, 370]. Общий социальный порядок невозможно объяснить одним лишь взаимодействием между входящими в его состав элементами: «Для полноценного объяснения непременно нужно учитывать взаимодействие с внешним миром как индивидуальных частей, так и всего целого» [Хайек, 2020с, 371]. Отсюда – необходимость проводить четкое различие «между регулярностями личного поведения, определяемого правилами, и всеобъемлющим порядком, возникающим при соблюдении определенного вида правил» [Хайек, 2006, 129]. Смешивать при анализе культурной эволюции понятия «система правил» и «социальный порядок» – это все равно, что смешивать при анализе биологической эволюции понятия «генотип» и «фенотип»[25].

Социальный порядок как «транспортировщик» правил. Правила поведения также могут либо устанавливаться сознательно либо складываться спонтанно[26]. Какие-то из них соблюдаются добровольно или даже бессознательно, какие-то в принудительном порядке и подкрепляются санкциями [Хайек, 2020с, 372]. Они могут воплощаться как в неформальных традициях, обычаях, привычках, так и в формализованных законах, судебных прецедентах, требованиях этикета[27].

Сознательно устанавливаемые правила всегда существуют в явной, вербально артикулированной и по большей части письменной

---

[25] Другая возможная аналогия – это проводимое в теоретической лингвистике различие между понятиями «язык» и «речь».

[26] Так, деятельность любой организации опирается не только на приказы, но также на устанавливаемые в ней правила, заполняющие лакуны, которые оставляют приказы [Хайек, 2006, 67]. Такие правила задумываются сознательно и устанавливаются сверху в рамках централизованной иерархии. Играя по отношению к командам-приказам вспомогательную роль, они являются, во-первых, конкретными, поскольку имеют целью выполнение предписанных задач, и, во-вторых, узкоспециализированными, поскольку к разным членам организации применяются разные наборы правил. Этим они отличны от общих абстрактных правил, лежащих в основе спонтанных порядков.

[27] Отсюда – парадокс, когда следование полностью сознательным правилам может приводить к возникновению спонтанного порядка, который никем специально не задумывался и не устанавливался: «По меньшей мере, мыслимо, что формирование спонтанного порядка может опираться исключительно на правила, сформулированные обдуманно. Таким образом, нужно отличать спонтанный характер складывающегося порядка от спонтанного происхождения правил, на которые он опирается, и вполне возможно, что порядок, который все-таки следует именовать спонтанным, покоится на правилах, целиком и полностью являющихся результатом обдуманного замысла» [Хайек, 2006, 63, с изменениями].

форме. В отличие от этого большинство спонтанно возникших правил остаются не только не артикулированными, но даже и неосознаваемыми. Чаще всего люди следуют им просто в силу привычки, не понимая, что они означают и почему существуют: «То, что правила <...> существуют и действуют, не будучи известными в явном виде тем, кто им подчиняется, приложимо <...> ко многим правилам, которые управляют действиями людей, определяя тем самым спонтанный социальный порядок. Человек, безусловно, не знает всех правил, которые управляют его действиями, в том смысле, что он не способен выразить их словами» [Хайек, 2006, 61, с изменениями]. Как отмечал Хайек, человек «на протяжении сотен тысяч лет <...> жил без законов, которые он "знал" – в том смысле, что был способен их сформулировать» [Хайек, 2006, 61–62].

Отсюда следует, что спонтанно возникшие правила намного старше сознательно спроектированных, а значит, и спонтанные порядки намного старше сознательных: «Не вызывает сомнений, что изначально порядок сформировался спонтанно, в результате того, что люди следовали правилам, которые возникли спонтанно, а не были сформулированы обдуманно. Но постепенно люди научились совершенствовать эти правила» [Хайек, 2006, 63–64]. Многие правила поведения сначала возникали спонтанно в виде каких-то неформальных практик и лишь много позднее кодифицировались в виде законов и начинали охраняться государством.

По хайековскому определению, человек – это «животное, не только преследующее цели, но и следующее правилам» [Хайек, 2006, 30]. И для того, чтобы следовать им, ему совершенно не обязательно иметь перед собой их в эксплицитно выраженном виде. Вполне достаточно, если он будет способен интуитивно отличать случаи их соблюдения от случаев их нарушения, а эта способность развита у представителей рода *Homo* в высочайшей степени: «Всякий человек, воспитанный в рамках определенной культуры, владеет правилами или может обнаружить, что действует согласно правилам, и точно так же легко опознает, когда поведение других людей соответствует или не соответствует различным правилам» [Хайек, 2006, 38].

Причины изменчивости правил – почему одни сохраняются, а другие исчезают – получают объяснение в теории культурной эволюции. По Хайеку, для выживания группы важны не столько те или иные конкретные правила индивидуального поведения, сколько скла-

дывающийся в итоге общий социальный порядок. В конечном счете отбор правил определяется тем, какой вклад они вносят в создание и поддержание жизнеспособных порядков на уровне целых групп: «Сами эти правила были отобраны и оформлены посредством результатов того воздействия, которое они оказывали на социальный порядок» [Хайек, 2020с, 374]. Закрепится какое-то новое правило или нет, зависит от того, будет оно – с учетом всех прочих правил, а также конкретных условий среды обитания – повышать или понижать эффективность группы как целого.

Таким образом, в понимании Хайека кросс-культурная конкуренция разворачивается не между отдельными правилами и даже не между их связными комплексами, а между вырастающими на их основе общими социальными порядками.

Эволюционный процесс отбора воздействует на порядок как на единое целое: «Именно результирующий общий порядок действий, а не регулярность действий отдельных индивидов как таковых важен для сохранения группы; и определенный вид всеобщего порядка может таким же образом способствовать выживанию членов группы, каковы бы ни были конкретные правила индивидуального поведения, которые его вызывают» [Хайек, 2020с, 368]. От жизнеспособности складывающегося социального порядка зависит, сохранится ли то или иное правило или нет: если в процессе межгрупповой конкуренции он будет «отбракован», вместе с ним исчезнут и правила индивидуального поведения, на которых от строился. Поскольку же у более эффективных социальных порядков шансов на выживание больше, чем у менее эффективных, постольку в длительной эволюционной перспективе системы правил, на которые опираются первые, будут иметь тенденцию вытеснять системы правил, на которые опираются вторые. Это верно как для самоподдерживающихся, спонтанных, так и для спускаемых сверху, сознательных правил.

Но здесь необходимы два уточнения. Первое: хайековский подход предполагает, что эволюционный отбор правил всегда будет сопровождаться ошибками. Попав в состав эффективного социального порядка, неэффективное правило индивидуального поведения может устойчиво воспроизводиться, не подвергаясь отсеву. Второе: при разном стечении обстоятельств одна и та же форма регулярного поведения может оказываться то «хорошей», то «плохой». «Эволюционный отбор различных правил индивидуального поведения, –

замечал Хайек, – определяется жизнеспособностью порядка, который они создают, и любые такие правила могут оказаться плодотворными в составе одного набора правил или при одних внешних условиях и оказаться вредными в составе другого набора правил или при других внешних условиях» [Хайек, 2020с, 368].

Как видим, в системе эволюционных представлений Хайека концепциям спонтанного порядка и культурной эволюции, принципам «невидимой руки» и группового отбора принадлежит разная роль. С его точки зрения они высвечивают разные стороны эволюционного процесса и поэтому взятые сами по себе недостаточны. Механизм группового отбора не объясняет, каким образом в человеческих сообществах может устанавливаться общий порядок: ответ на этот вопрос дает концепция спонтанного порядка, возникающего из наложения действий множества индивидов, подчиняющихся тем или иным общим правилам. Однако она, в свою очередь, ничего не говорит о том, почему складывающиеся социальные порядки оказываются обычно благотворными для групп, которые их поддерживают: ведь спонтанные процессы могут с равной вероятностью приводить к формированию неблагоприятных социальных порядков или вообще порождать хаос. Причины, по которым дисфункциональные социальные порядки в длительной эволюционной перспективе оказываются нежизнеспособными, объясняет концепция группового отбора: она отсылает к процессу межгрупповой конкуренции, в ходе которой из множества гипотетически возможных систем правил индивидуального поведения в конечном счете отбираются только более или менее эффективные. Общий вывод, на котором настаивал Хайек, состоит в том, что идеи спонтанного порядка и группового отбора дают адекватное представление о процессе культурной эволюции только «в связке» друг с другом [Schaefer, 2021].

Этапы культурной эволюции

Как уже отмечалось, в фокусе эволюционного анализа Хайека находились общие закономерности социального и психологического развития человека. Предложенная им историческая панорама имеет множество перекличек с описанием этого процесса в современных исследованиях по эволюционной психологии.

Хайек выделял два обобщенных типа человеческих сообществ или два главных этапа культурной эволюции: группы охотников-собирателей, в которых люди жили сотни тысяч лет, и современная цивилизация, сформировавшаяся за короткий промежуток последних 10–12 тысяч лет. На первый взгляд, критерий разграничения здесь чисто количественный: в первом случае речь идет о небольших группах представителей рода *Homo* численностью не более нескольких десятков или сотен, тогда как во втором о сложно организованном, «Великом», как выражался Хайек[28], или открытом, обществе с развитым разделением труда, охватывающем многие десятки миллионов человек. Но это только на первый взгляд.

Дело в том, что, согласно Хайеку, каждому типу общества присуща своя, особая система правил и норм, позволяющая ему сохраняться и воспроизводиться. Правила, характерные для малых групп охотников-собирателей, он называл «естественной моралью», тогда как правила, характерные для Великого общества, просто «моралью», потому что, по его мнению, права называться так заслуживают, строго говоря, только они. Обе системы морали решают одну и ту же задачу – координации взаимодействий между отдельными членами общества, без чего человечество не могло бы выжить.

И Хайек и эволюционные психологи исходят из того, что в отличие от животных для людей наиболее значимым фактором окружающей среды являются не физические, а социальные условия их существования – то, как строятся их отношения с друг с другом. Уже в доисторический период степень приспособленности человека определялась не столько его способностью искать добычу и избегать нападения хищников, сколько характером его взаимоотношений с другими членами группы. По словам Хайека, «общество может <...> существовать, только если в процессе отбора вырабатываются правила, заставляющие индивидов вести себя таким образом, при котором становится возможна социальная жизнь» [Хайек. 2006, 62, с изменениями]. Эволюционная среда, в которой действуют люди, – это прежде всего совокупность традиций, институтов, обычаев, правил и моральных норм. Фундаментальная трудность, с которой они сталкиваются, связана с решением социальных по своей природе про-

[28] Это обозначение он заимствовал у Адама Смита.

блем, касающихся организации межличностных взаимодействий [Zywicki, 2004][29].

Однако координация среди нескольких десятков лично знакомых людей, находящихся в постоянном прямом контакте друг с другом, и координация среди десятков или даже сотен миллионов людей, не знающих друг о друге практически ничего, чьи контакты чаще всего остаются опосредованными, разовыми и мимолетными, строятся на разной основе и приводят к разным результатам. Из хайековской концепции рассеянного знания следует, что чем шире сеть межличностных взаимодействий, тем больший массив знаний и информации, имеющихся у отдельных участников, может быть задействован, а чем лучше «знаньевые» характеристики общества, тем оно богаче и многочисленнее. Так количественные различия превращаются в качественные.

Исходная фаза. В малых бродячих группах охотников-собирателей все знали друг друга в лицо и их выживание зависело от каждого. Члены таких групп могли вести только коллективный образ жизни: оставшись в одиночестве, человек вскоре погибал. В процессе культурной эволюции, методом проб и ошибок, были выработаны правила поведения, позволявшие им приспосабливаться к неблагоприятным условиям внешней среды. Отбор шел в направлении правил, которые помогали укреплять внутреннюю сплоченность групп, повышать эффективность их совместных действий (прежде всего – при охоте) и противостоять коллективным вызовам, главными из которых были суровая физическая среда и агрессия со стороны соседних групп. Со временем многие из таких правил могли закрепляться на генетическом уровне, принимая форму инстинктивных реакций: «С помощью этих генетически унаследованных инстинктов регулировался процесс сотрудничества между членами стада – сотрудничества, неизбежно представлявшего собой узкоограниченное взаимодействие соплеменников, хорошо знавших друг друга и доверявших друг другу. Эти первобытные люди руководствовались конкрет-

[29] В этом контексте Хайек отмечал, что модель, предложенная для объяснения происхождения общества Т. Гоббсом, в которой индивидуализм и изолированный образ жизни рассматривались как исходная форма человеческого существования («естественное состояние»), представляет собой миф: «Дикарь не был одинок, и по своим инстинктам являлся коллективистом» [Хайек, 1992, 25; см. также: Marciano, 2009].

ными, одинаково понимаемыми целями и исходили из одинакового восприятия опасностей и возможностей их среды обитания (в основном укрытий и источников пропитания)» [Хайек, 1992, 25]. В состоянии таких малых групп человечество просуществовало сотни тысяч лет, за которые их члены выучились помогать друг другу и преследовать общие цели [Хайек, 1992, 232].

Из-за крайне низкой производительности у охотников-собирателей не могло образовываться никакого экономического излишка, накопление было невозможно и все добытое за день часто сразу же потреблялось. Возможности для разделения труда почти полностью отсутствовали: единственной доступной формой «профессиональной специализации» было разделение занятий по полу и возрасту [Rubin, Gick, 2004]. Поскольку группы непрерывно меняли свое местонахождение, все принадлежащие им вещи должны были быть легко перемещаемыми, что дополнительно ограничивало возможности для накопления. Но где нет капитала, там нет и технологического прогресса: примитивные орудия, которыми пользовались древние люди, могли не меняться тысячелетиями. Человек жил и умирал в мире постоянных технологий и постоянного (скудного) материального достатка.

Регулярность взаимодействий, опиравшихся на общие для всех представления, приводила к установлению порядка – порядка малых групп. Сталкиваясь постоянно с угрозами для всей группы в целом, охотники-собиратели могли выживать только при наличии взаимного согласия относительно общегрупповых целей, а также относительно средств, использовавшихся для их достижения: «В племенном обществе условием внутреннего мира является преданность всех членов неким общим зримым целям и, соответственно, воле того, кто может решить, какими должны быть эти цели в любой данный момент и как их следует достигать» [Хайек, 2006, 310]. Кооперация между членами таких групп основывалась на взаимном доверии и в их поведении преобладали альтруизм, солидарность[30], симпатия и коллективные решения. Такую «естественную мораль» охотников-собирателей Хайек характеризовал как «моральный социализм» [Хай-

[30] По определению Хайека, солидарность – это «единство в достижении признанных общих целей» [Хайек, 2006, 278].

ек, 2006, 259][31]. Механизмы координации индивидуальных усилий решающим образом зависели от инстинктов солидарности и альтруизма, которые, однако, действовали исключительно внутри «своей» группы, но не распространялись на «чужие» [Хайек, 1992, 25]. Отличительный признак «естественной морали» – ее узкоограниченный, племенной характер, иными словами – радикально иное отношение к «своим» и «чужим».

По мысли Хайека, тысячелетия существования в малых группах охотников-собирателей заложили в психику людей жесткую программу, которая остается с ними до сих пор. Базовые паттерны человеческого сознания по-прежнему продолжают определяться ею. То, что он обозначал термином «естественная мораль», эволюционные психологи называют «древними социальными инстинктами» [Boyd, Richerson, 2005, 215].

Благодаря формированию у первобытных людей таких моральных установок, произошло, по выражению Хайека, «укрощение дикаря», причем случилось это «задолго до начала писаной истории» и стало «самым важным моментом в культурной эволюции»: «Это была культурная эволюция, которую претерпел только человек, и этим он теперь отличается от других животных» [Хайек, 2006, 478]. Как он подчеркивал, «постепенное вытеснение врожденных реакций благоприобретенными правилами поведения все больше выделяло человека из животного мира» [Хайек, 1992, 33]. «Естественная мораль» помогала контролировать поведение членов малых групп и обеспечивала кооперацию между ними.

Подчинение врожденных животных инстинктов бессознательно усваиваемым правилам и обычаям[32] открывало возможности для формирования упорядоченных человеческих сообществ все больших размеров. В то же самое время господство «естественной морали» ставило дальнейшему движению по этому пути жесткие пределы. С опре-

[31] Инстинктивное стремление к солидарности и групповой лояльности остается с людьми до сих пор, побуждая их в определенных ситуациях оказывать бескорыстную помощь и совершать альтруистические поступки. Аргументация Хайека предполагает также, что мы до сих пор можем испытывать позитивные чувства, видя, как процветают другие члены нашей группы.

[32] «Человек чаще обучался правильным поступкам без понимания того, отчего они правильны, да и по сей день обычаи часто служат ему надежнее, чем понимание» [Хайек, 2006, 479].

деленного момента она перестала обеспечивать лучшую адаптацию к окружающей среде и более благополучную жизнь.

Продвинутая фаза. Процесс становления нового социального порядка – порядка расширенного человеческого сотрудничества – длился, возможно, много тысячелетий и проходил через большее разнообразие форм [Хайек, 1992, 32]. Однако если судить по заключительному этапу его превращения в мировую цивилизацию, то он предстает как сравнительно позднее образование. Различные его компоненты – структуры, традиции, институты – возникали в разное время как вариации тех или иных привычных способов поведения: «Новые правила подобного рода распространялись не потому, что люди сознавали их большую эффективность <...> но просто потому, что придерживающиеся их группы начинали успешнее воспроизводиться и включать в свой состав аутсайдеров» [Хайек, 1992, 32].

С первых шагов цивилизации над слоем «естественной морали» в сознании людей начала надстраиваться (принцип суперпозиции) мораль расширенного порядка, или Великого общества, которую, напомним, Хайек полагал единственной, действительно заслуживающей того, чтобы именоваться «моралью». Ее формирование началось не более 10–12 тысяч лет назад, когда человечество стало постепенно переходить от жизни в малых группах из нескольких десятков или максимум сотен человек к жизни в более крупных сообществах из нескольких десятков тысяч, сотен тысяч или даже миллионов человек[33]. В новых условиях индивид был уже физически неспособен знать всех членов своей группы в лицо и поэтому был вынужден периодически вступать в коммуникации с теми, кто был лично ему не знаком.

Отсюда две ключевые проблемы, требовавшие решения.

Первая: по каким признакам отличать членов группы, с которой идентифицировал себя индивид, от членов других групп? Так возникла потребность в символическом маркировании: это могли быть особая одежда, специфические украшения, общность или хотя бы близость языка, обычаев, религиозных верований и т.д. [Хайек, 2020с,

[33] С точки зрения современных эволюционных представлений Хайек упустил промежуточную стадию между кочующими группами охотников-собирателей и первыми «цивилизованными» обществами, а именно – сообщества *оседлых* охотников-собирателей [Rubin, Glick, 2004].

381]. Такие опознавательные знаки помогали людям отделять тех, кто разделял те же нормы, что и они, от тех, кто следовал другим нормам.

Вторая: возможна ли мирная кооперация с лично незнакомыми людьми, причем не только из своей, но и из других групп? Ключ к решению этой проблемы был найден в новых поведенческих установках, резко отклонявшихся от «естественной морали» охотников-собирателей. Чем больше и сложнее становилось общество, тем активнее приходилось ему заменять врожденные реакции новыми правилами поведения, которые усваивались и передавались вне малых групп: «Порядок, опирающийся на то, что люди удовлетворяют потребности незнакомцев, предполагает и требует иных моральных понятий, чем тот, в котором люди удовлетворяют зримые потребности» [Хайек, 2006, 310]. Следование нормам «естественной морали» уже не приводило к благоприятным результатам, тогда как их постепенное подавление в сочетании с внедрением иных правил способствовало формированию нового порядка – порядка расширенного человеческого сотрудничества [Rubin, Gick, 2004]. Как отмечал Хайек, взобравшись на эту новую, сравнительно недавнюю ступень культурной эволюции, люди перестали служить только своим знакомым и преследовать совместные цели: «На этой ступени сложились традиции, институты и системы морали, которые дали жизнь очень большому количеству людей – во много раз большему, чем на заре цивилизации, – и теперь жизнь этих людей поддерживается этими институтами» [Хайек, 1992, 233]. Новая мораль возникла и смогла закрепиться благодаря тому, что группы, следовавшие ее принципам, опережали другие по численности и материальному достатку [Хайек, 1992, 123].

Исходно члены малых групп были жестко связаны совместными целями и без общего согласия могли предпринять очень немногое (см. выше). Решающий сдвиг произошел тогда, когда разделяемые всеми конкретные групповые цели начали вытесняться едиными абстрактными правилами поведения, в рамках которых у индивидов появилась возможность преследовать свои частные интересы, руководствуясь имевшимися у них личными знаниями и навыками: «Тогда как деятельность малой группы может направляться взаимосогласованными целями или волей ее членов, расширенный порядок, или “общество”, складывается в гармоничную структуру благодаря тому,

что его члены, преследуя разные индивидуальные цели, соблюдают одинаковые правила поведения» [Хайек, 1992, 196]. Или группа почему-либо освобождала кого-то из своих членов от части обязательств перед нею, или они сами вырывались из-под ее власти: «Сообщества, которые позволяли своим членам по собственному усмотрению применять их индивидуальные знания, получали преимущество перед общинами, где деятельность каждого из членов определялась тем, что знали все живущие в данной местности, или знаниями правителя» [Хайек, 1992, 53].

Чтобы смогла возникнуть мораль открытого общества, культурной эволюции пришлось преодолевать многие инстинкты, сформированные предшествующей эволюцией человека (как биологической, так и культурной) [Whitman, 2004]. Важнейшая роль в этом процессе принадлежала таким культурным адаптациям, как правила «честности, договоров, частной собственности, обмена, торговли, конкуренции, прибыли и частной жизни» [Хайек, 1992, 25]. Создавая условия для сотрудничества множества не знакомых друг с другом индивидов, они позволяли использовать несравненно больший массив имевшихся у отдельных участников знаний и информации, что обеспечивало рост производительности и таким образом способствовало повышению уровня благосостояния и поддержанию жизни все большего числа людей. Группы, принимавшие правила, связанные с уважением частной собственности, свободой договоров, ограничениями на применение силы и мошенничества, преуспевали по сравнению с группами, принимавшими противоположные правила: «Эти обычаи довольно быстро распространились благодаря действию эволюционного отбора, обеспечивающего, как оказалось, опережающий рост численности и богатства именно тех групп, что следовали им» [Хайек, 1992, 15][34].

Однако новые правила, на которые опирается цивилизация, появились слишком недавно, чтобы успеть закрепиться на генетиче-

[34] В качестве иллюстрации такого влияния альтернативных правил на благосостояние людей Хайек ссылался на наблюдение американского историка Дж. Салливана, который еще в конце XVIII века, описывая процесс оттеснения европейскими колонистами коренных жителей Америки, отмечал, что «на том же участке земли, на каком прежде всего один дикарь-охотник мог “влачить голодное существование”, теперь могли жить преуспевая уже пятьсот “мыслящих существ”» [Хайек, 1992, 207].

ском уровне[35]. Как следствие, они носят характер не наследуемых, а приобретаемых признаков и поэтому – в отличие от врожденных инстинктов – могут передаваться и воспроизводиться только через подражание и обучение: «Поведение, требуемое для поддержания жизни малой группы охотников и собирателей, в корне отлично от поведения, которого ждут от человека в открытом обществе, основанном на обмене. Но если на приобретение и генетическое закрепление реакций, необходимых для первого, у человечества уже ушли сотни тысяч лет, то для появления второго необходимым условием стало не только заучивание новых правил, но и подавление с помощью некоторых из них инстинктивных реакций, более не соответствующих Великому обществу» [Хайек, 2006, 486]. При этом такие усваиваемые правила поведения не обязательно должны были выступать в виде свода явно сформулированных инструкций, а могли «проявляться, как проявляются настоящие инстинкты, то есть как смутное неприятие действий определенного рода или отвращение к ним» [Хайек, 1992, 27].

Вслед за Юмом и Смитом Хайек считал частную собственность наиболее фундаментальным принципом этого этапа культурной эволюции: «Раздельная (several) собственность составляет ядро моральных норм любой развитой цивилизации» [Хайек, 1992, 55, с изменениями]. Зачатки частной собственности он относил к тому периоду, когда люди научились изготавливать ручные орудия: изобретатель/производитель орудия и становился его собственником. Раздельное владение недолговечными предметами смогло «появиться лишь позднее, по мере ослабления групповой солидарности и установления ответственности индивидов за группы более ограниченной численности, например, семью» [Хайек, 1992, 56]. Еще позднее необходимость оберегать плодородные участки привела к переходу от групповой к индивидуальной собственности на землю [Хайек, 1992, 56]. Право частной собственность служило важнейшим орудием предотвращения потенциальных конфликтов, поскольку выступая в виде совокупности неких абстрактных правил, «оно позволяло всякому индивиду в любое время удостовериться, кто правомочен распоряжаться той или иной конкретной вещью» [Хайек, 1992, 55].

[35] Поэтому, в отличие от моральных правил малых групп, которые могли сохраняться тысячелетиями, моральные правила больших групп находятся в процессе непрерывного видоизменения.

Ключевую роль в процессе постепенного вытеснения «естественной морали» моралью открытого общества Хайек отводил торговле и обмену, особенно – дальней торговле. Переход к ней стал возможен благодаря появлению зачаточных форм частной собственности: «Решающим моментом можно считать то, что развитие раздельной собственности является необходимым предварительным условием развития торговли и, следовательно, формирования более крупных, основанных на взаимном сотрудничестве структур, а также появления сигналов, которые мы называем ценами» [Хайек, 1992, 56–57, с изменениями]. В глазах Хайека торговля выступала как главный мотор социального развития. Зародилась она в самой глубокой древности (еще в палеолите), задолго до возникновения земледелия или любого другого вида регулярного производства [Хайек, 1992, 70][36]. Поскольку торговля не могла основываться на коллективном знании, одним из наиболее важных следствий ее развития стало разделение целей для разных членов группы.

В результате участие в обмене потребовало изменения отношений как внутри групп, так и между ними. С одной стороны, некоторые из них стали разрешать своим членам увозить на потребу чужестранцам нужные и полезные предметы, «которые в противном случае остались бы на месте и были бы доступны для общего пользования» [Хайек, 1992, 72]. Для этого было необходимо, во-первых, чтобы хотя бы у части индивидов появилась возможность действовать исходя из своих личных, а не коллективных целей, и во-вторых, чтобы обмениваемые предметы начали рассматриваться как принадлежащие им, а не всей группе. С другой стороны, в таких случаях члены каких-то иных групп превращались из врагов в потенциальных партнеров по сделке[37]. Возникли новые нормы, которые стали регулировать отно-

---

[36] Хайек предполагал даже, что только развитие торговых связей между группами, проживавшими на территориях с разными природными условиями, сделало возможным переход к земледелию и оседлому образу жизни, поскольку без этого не удавалось обеспечить себя всем тем, что требовалось для возделывания земли: «Многие представители рода человеческого, не имея поддержки своих сородичей, обитающих где-нибудь в иных местностях, сочли бы, что в тех местах, где они намеревались поселиться, либо вообще невозможно жить, либо их можно заселить лишь с незначительной плотностью» [Хайек, 1992, 74].

[37] «Только появление натурального обмена позволило разным людям быть взаимно полезными без достижения согласия о конечных целях» [Хайек, 2006, 277, с изменениями].

шения с «чужаками» – гостеприимства, обеспечения защиты, предоставления безопасного прохода. Таким образом, новые правила поведения – в отличие от «естественной морали» с ее асимметрией по отношению к «своим» и «чужим» – начали пересекать межгрупповые границы.

Обмен способствовал углублению специализации и разделения труда и, как следствие, использованию большего объема личностных знаний, имевшихся у представителей разных групп. Все это вело к постепенной эрозии «естественной морали»: «Возможности выгодной торговли с чужестранцами, безусловно <...> способствовали усилению уже произошедшего разрыва с этикой солидарности, с общими целями и коллективизмом первоначально существовавших малых групп» [Хайек, 1992, 76]. Отношения со «своими» становились все менее солидарными, а отношения с «чужими» все менее агрессивными и все более кооперативными: «Члены малой группы должны были терять прежние жизненные ориентиры и оказываться на пути к новому миропониманию» [Хайек, 1992, 72].

Что касается государства, то в процессе перехода к более крупным сообществам оно, по наблюдениям Хайека, играло амбивалентную роль. Оно могло как ускорять ход культурной эволюции, так и поворачивать его вспять. С одной стороны, государство служило гарантом прав собственности и контрактов. С другой, очень часто становилось для них же главной угрозой: «Правительства, способные защитить индивидов от насилия своих же сограждан, делают возможным развитие все более сложного порядка, основанного на спонтанном и добровольном сотрудничестве. Однако рано или поздно появляется тенденция злоупотреблять этой властью, подавляя свободу, которую прежде охраняли» [Хайек, 1992, 59][38]. Двоякая роль государства обозначилась уже в древности. Хайек не соглашался с широко распространенным мнением, будто высокоорганизованное государство явилось кульминацией начального этапа развития цивилизации: «Всевластные правительства, вновь и вновь наносившие сильнейший урон спонтанному прогрессу, уже в древности привели процесс культурной эволюции к краху» [Хайек, 1992, 80]. Наиболее яркие примеры

---

[38] «Не существует большего заблуждения, чем общепринятая формула историков, которые представляют появление сильного государства как кульминацию культурной эволюции: оно столь же часто служило признаком ее конца» [Хайек, 1992, 60].

такого краха он находил в истории двух величайших империй древности – Римской и Китайской.

Конфликт двух систем морали. Из хайековской реконструкции следовал важный вывод о том, что первобытный и современный человек, малые группы охотников-собирателей и большие, сложно организованные общества сталкиваются с моральными дилеммами разного рода. Если для первых наиболее критической проблемой оказывается недостаточная солидарность, то для вторых, напротив, избыточная солидарность, унаследованная от давнего эволюционного прошлого [Koppl, 2004].

Первую проблему (по сдерживанию эгоистических импульсов) культурная эволюция решала путем группового отбора на основе альтруизма. Хайек рассматривал альтруизм как моральное чувство, развившееся на начальных этапах культурной эволюции, когда люди жили малыми группами охотников-собирателей, и, скорее всего, успевшее укорениться в нашем генетическом коде. Наличие в составе таких групп достаточно большой доли альтруистов позволяло им при достижении коллективных целей ограничивать «безбилетное» поведение своих членов (без этого им грозило бы вымирание). Группы, где внутренняя солидарность была выше, росли быстрее и вытесняли группы, где она была ниже.

Однако развитие цивилизации потребовало решения второй проблемы (по сдерживанию альтруистических установок), для чего понадобился иной набор правил, поскольку в изменившемся культурном контексте избыточный альтруизм стал препятствием для формирования нового социального порядка: «Если <…> говорить о современном обществе, то в нем нет места так называемой естественной доброте, потому что, отправляясь от этого врожденного инстинкта, человек никогда бы не построил цивилизацию, способную обеспечить жизнь такому многочисленному населению» [Хайек, 2006, 489]. Де-факто нормы и институты открытого общества выступают как способ «экономии на альтруизме», позволяя индивидам сотрудничать даже тогда, когда у них нет прямой личной заинтересованности в благополучии своих ближних. Культурный групповой отбор, но только другого типа, помог людям преодолеть врожденный страх перед незнакомцами и превратить сферу кооперативных отношений из узкоограниченной в потенциально безграничную.

На этом этапе групповой отбор оказался направлен, во-первых, на сужение круга «своих», где по-прежнему продолжали доминировать взаимная поддержка и солидарность, и, во-вторых, на преодоление инстинктивной враждебности к «чужим», что открывало возможности для сотрудничества с ними, способствуя углублению специализации и разделения труда. В первом случае моральные императивы ослабевали, но во втором становились сильнее: «Расширение обязательства одинаково относиться не только к членам нашего племени, но и к лицам из все более широких кругов, а в пределе – ко всем людям, было куплено ценой ослабления долга осознанно заботиться о благополучии других членов своей группы» [Хайек, 2006, 312]. Если раньше альтруистические паттерны поведения по умолчанию распространялись на всех членов группы, число которых могло доходить до нескольких десятков или даже сотен, то теперь они стали ограничиваться лишь ближним семейным и дружеским кругом: «В рамках расширенного порядка солидарность и альтруизм возможны лишь в незначительной степени внутри некоторых подгрупп» [Хайек, 1992, 141]. По отношению ко всем остальным их действие если не сходит на нет, то резко убывает. Но параллельно с этим все менее враждебным и агрессивным, все более терпимым и кооперативным становилось отношение к представителям других групп, поскольку при общении с ними начинали применяться те же нормы, которыми регулировались теперь отношения с незнакомыми или малознакомыми членами своей группы.

Конечно, это не значит, что «естественная мораль» отжила свое. В пределах семьи, круга друзей и знакомых, всевозможных добровольных объединений она по-прежнему остается незаменимой: «Врожденные инстинкты по-прежнему играют важную роль в наших отношениях с ближними, равно как и в некоторых других ситуациях» [Хайек, 1992, 226]. Современному человеку, констатировал Хайек, приходится жить одновременное в двух мирах – микрокосме семьи с ее «естественной моралью» и макрокосме развитой цивилизации с ее моралью расширенного порядка: «Мы вынуждены постоянно приспосабливать нашу жизнь, наши мысли и эмоции к одновременному проживанию внутри различного типа порядков, сообразуясь с различными правилами <...> Мы должны научиться жить в двух мирах одновременно» [Хайек, 1992, 36].

Отсюда – неустранимый конфликт между разными пластами наших моральных установок: «Если бы нам приходилось однозначно, ничем не смягчая и не корректируя, переносить правила микрокосма (то есть малой группы) <...> на макрокосм (на более широкий мир нашей цивилизации), к чему нас нередко подталкивают наши инстинкты и сентиментальные порывы, то *мы разрушили бы макрокосм*. Вместе с тем если бы мы всегда применяли правила расширенного порядка в нашем более интимном кругу общения, то *мы бы уничтожили его*» [Хайек, 1992, 36]. С одной стороны, правила расширенного порядка сдерживают и подавляют «естественную мораль», то есть «те инстинкты, которые сплачивали малую группу и обеспечивали сотрудничество внутри нее, блокируя и затрудняя этим ее расширение» [Хайек, 1992, 26]. С другой, вытеснение моральных норм, унаследованных от доисторического прошлого (таких как внутригрупповая солидарность, ориентация на одобренные группой цели, недоверие и агрессия по отношению к незнакомцам), которые позволяли первобытным людям успешно функционировать в небольших группах, никогда не могло стать полным: «Расширенный порядок складывается в результате взаимодействия не только отдельных индивидов, но и многообразных, часто накладывающихся друг на друга субпорядков. А в этих рамках прежние инстинктивные реакции – такие как солидарность и альтруизм – продолжают сохранять определенное значение, содействуя добровольному сотрудничеству, несмотря на то, что сами по себе они неспособны создать основы для более расширенного порядка» [Хайек, 1992, 35]. Большие цивилизованные общества включают в себя множество пересекающихся малых групп (из родных, друзей, знакомых и т.д.), внутри которых «естественная мораль» сохраняет прежнее значение. Однако при взаимодействии с незнакомцами или неблизкими людьми (а это абсолютное большинство среди тех, с кем коммуницирует современный человек) на первый план выходят иные моральные установки – честность, ответственность, исполнение обещаний, верность профессиональному долгу.

В результате, как предупреждал Хайек, избыточная солидарность остается главной угрозой для таких жизненно важных институтов современной цивилизации как рынок и частная собственность. Правила расширенного порядка «не сообразуются с биологическим есте-

ством человека», вступая в столкновение с врожденными инстинктами, которые сплачивали малую группу [Хайек, 1992, 37].

Из-за того, что правила и ограничения, лежащие в основе расширенного порядка, противоречат нормам «естественной морали», они кажутся противоестественными, им сопротивляются и подчас даже ненавидят [Хайек, 1992, 28]. Инстинктивно многие хотели бы перенести на современное, сложно организованное общество мораль собирателей-охотников, заменив правила, специфичные для расширенного порядка, правилами, специфичными для малых групп, что рано или поздно привело бы к гибели цивилизации. (Наиболее яркий пример такого переноса Хайек усматривал в идеях социализма, призывающего де-факто к перекройке открытого общества по модели малых групп.) В этих условиях главная задача культуры состоит в контроле за саморазрушительными импульсами, нацеленными на навязывание современному обществу «естественной морали» первобытных людей [Zywicki, 2000].

Одно из проявлений конфликта между двумя системами морали – инстинктивная неприязнь к тем, кто занимается накоплением богатства, которую, как полагал Хайек, человек унаследовал от своих доисторических предков. Если в условиях жестко ограниченных ресурсов единственный способ стать богатым заключался в том, чтобы не делиться с ближними, то отношение к богатству как однозначному злу могло стать частью структуры нашего сознания. Однако в современных условиях такая установка превращается в атавизм, препятствующий росту благосостояния общества[39].

Хайековская реконструкция «естественной морали» очень близка к тому, как сознание людей каменного века описывается в работах эволюционных психологов[40]. Они также отмечают, что б***о***льшая часть наших вкусов и предпочтений сформировалась в тот период,

---

[39] Другие исследователи предполагают, что более важным источником инстинктивной враждебности к богатству и богатым может быть то, что логика игр с нулевой суммой гораздо доступнее человеческому сознанию, чем логика игр с положительной суммой [Rubin, Gick, 2004].

[40] С точки зрения новейших исследований серьезным пробелом в концепции Хайека оказывается недоучет той роли, которую в жизни первобытных сообществ играла конкуренция за женщин [Rubin, Gick, 2004]. Однако в «Пагубной самонадеянности» Хайек специально оговаривался, что вынужден вынести за скобки анализ института семьи, который он считал – наряду с институтом частной собственности – важнейшим для культурной эволюции человечества.

когда человечество жило малыми группами охотников-собирателей. Подобные вкусы и предпочтения мало приспособлены к жизни в условиях массового общества с рыночной экономикой и широким разделением труда. Они согласны, что множество проблем современного общества связаны с тем, что в структуре сознания людей сохраняются установки, которые хорошо служили им в прежней эволюционной среде, но уже не работают или плохо работают в новой. Инстинкты, выработанные людьми за длительный период существования в закрытых группах охотников-собирателей, плохо согласуются с условиями жизни в открытом обществе: «Естественный отбор – это медленный процесс, и еще сменилось недостаточное число поколений, чтобы выработать паттерны, хорошо приспособленные для нашей постиндустриальной жизни. Другими словами, в наших современных черепных коробках живет психика каменного века» [Cosmides, Tooby, 1997]. В изменившейся среде многие формы поведения, бывшие когда-то адаптивными, становятся дезадаптивными: если раньше они способствовали выживанию, то теперь создают проблемы[41]. Неприспособленность глубинных механизмов человеческой психики к реалиям современного мира – лейтмотив исследований по эволюционной психологии: «Сегодня мы живем в мире, совершенно не похожем на тот, который служил домом для нашего вида на протяжении подавляющей части его существования. Хотя в сущности основную ответственность за создание этого мира несем мы сами, во многих отношениях мы плохо к нему приспособлены в результате своего эволюционного наследия» [Палмер, Палмер, 2007, 247].

Однако обычно эволюционные психологи ограничиваются ссылками на более высокий уровень благосостояния и более широкие технологические возможности, которые предоставляют современные общества, по сравнению с тем, что было доступно людям каменного века. Вне поля их зрения остается то критически важное обстоятельство, составлявшее фокус размышлений Хайека, что «вшитая» в наше сознание «естественная мораль» несовместима не только с резко изменившейся материальной, но также и с резко изменившейся соци-

---

[41] Один из широко обсуждаемых примеров дезадаптивного поведения, унаследованного современными людьми от своих доисторических предков, – эпидемия ожирения среди жителей развитых стран, когда следуя зову древнего инстинкта, они начинают в неумеренных количествах потреблять жирную калорийную пищу.

альной средой – с правилами и практиками, сделавшими возможной современную цивилизацию.

В этом контексте Хайек обращал внимание на двусмысленность самого термина «альтруизм» и на злоупотребление им в работах многих исследователей-эволюционистов, когда его используют «для обозначения всякого действия человека на пользу обществу, но в ущерб себе» [Хайек, 2006, 489]. При таком подходе под рубрику «альтруистического поведения» попадают только случаи прямого оказания помощи в «позитивной форме» (преимущественно – лично знакомым людям). Но если человек может присвоить чужую вещь, зная, что ему за это ничего не будет, но все же так не поступает, то проявляет ли он «заботу» о ее владельце? Если агент может ничем не рискуя нарушить контракт, но тем не менее воздерживается от этого, то приносит ли он своему партнеру «пользу»? Если продавец может без каких-либо последствий для себя обмануть покупателя, но все-таки не идет на это, то делает ли он ему «добро»? Во всех этих случаях человек точно так же жертвует своими интересами во имя интересов кого-то другого[42]. Несомненно, это тоже альтруизм, хотя и в «негативной форме» и хотя его источником служит не желание конкретного добра кому-то другому, а установка на соблюдение правил «честной игры»: «Следование усвоенным правилам обыкновенно приносит сообществу в целом больше пользы, чем большинство сугубо “альтруистических” поступков, которые могли бы быть предприняты отдельным индивидом» [Хайек, 1992, 37–38].

Более того, на следующем шаге такой «негативный альтруизм» превращается в «позитивный» (пусть и анонимный), когда, сами того не сознавая, участники рыночных отношений способствуют своими действиями улучшению положения людей, не знакомых им лично: «Нас заставляют приносить благо другим нормы морали, присущие

---

[42] «Институты открытого общества также требуют определенного уровня жертв со стороны индивида на благо группы. Например, институт частной собственности требует, чтобы люди иногда отказывались от возможности воспользоваться плодами чужого труда, даже если это принесло бы им пользу. Наложение санкций на нарушителей также может требовать принесения каких-то жертв, например, отказа от обмена с тем, кто был подвергнут остракизму. Таким образом, на самом деле теория Хайека предполагает не ослабление группового отбора по сравнению с индивидуальным, а, скорее, замену путем группового отбора старых благоприятных для группы норм новыми благоприятными для группы нормами» [Whitman, 2004, 298].

рынку, но не вследствие нашего намерения добиться этого, а вынуждая нас действовать таким образом, что волей-неволей обеспечивается как раз этот эффект <...> Тем самым наши усилия становятся альтруистическими по своим последствиям» [Хайек, 1992, 141]. Как настаивал Хайек, в современных обществах альтруистическими оказываются прежде всего действия в соответствии с правилами, поддерживающими расширенный порядок: «Если мы и можем по-прежнему называть его мотивы альтруистическими (поскольку в конечном счете они ведь служат благу других), то не потому, что индивид ставит своей целью или имеет намерение служить чьим-то конкретным потребностям, а потому, что он соблюдает абстрактные правила поведения. Наш "альтруизм" в этом новом смысле сильно отличается от альтруизма инстинктивного. Теперь уже не преследуемые цели, а соблюдаемые правила превращают действие в хорошее или дурное» [Хайек, 1992, 142][43].

В новых условиях альтруизм оказывается не столько характеристикой индивидуальных предпочтений (хотя в известных пределах и остается таковым), сколько характеристикой определенной институциональной системы [Whitman, 2004][44]. По Хайеку, речь, таким образом, идет не столько о замене альтруизма эгоизмом, сколько о его преобразовании из одной формы в другую.

Механизмы отбора

Механизм отбора состоит из тех сил в системе, которые обеспечивают дифференцированное выживание и дифференцированное воспроизводство единиц отбора [Whitman, 1998]. Теоретически он может работать на разных уровнях – как индивидуальном (внутри-

[43] «Частью традиций Открытого общества стало убеждение, что лучше вкладывать средства в орудия труда, создавая возможность производить больше и с меньшими затратами, чем распределить их среди бедных, и что лучше истратить их на удовлетворение потребностей тысяч незнакомых людей, чем обеспечить потребности нескольких известных соседей <...> Ведомый невидимой рукой рынка, [предприниматель] доставит помощь в виде современных удобств в беднейшие семьи, о которых он никогда и не услышит» [Хайек, 2006, 311].

[44] Ср.: «Множество добрых дел, совершаемых человеком в условиях расширенного порядка, совершается им вовсе не потому, что он добр от природы» [Хайек, 1992, 37].

групповая конкуренция), так и групповом (межгрупповая конкуренция). Однако одна форма конкуренции не обязательно исключает другую: в новейшей литературе по теории эволюции широкое распространение получила идея многоуровневого отбора, идущего одновременно на нескольких разных «этажах» [Wilson, Wilson, 2007].

Как уже упоминалось, главной движущей силой культурной эволюции Хайек считал механизм группового отбора, который предполагает, что благоприятный признак (будь то ген или культурная практика) сохраняется и распространяется не потому, что он обеспечивает репродуктивное преимущество своему индивидуальному носителю, а потому, что он обеспечивает репродуктивное преимущество группе, к которой тот принадлежит. В результате группы, имеющие членов с таким признаком, будут вытеснять группы, члены которых его лишены. Поскольку же отбор осуществляется не на индивидуальном, а на групповом уровне, межгрупповая конкуренция будет доминировать над внутригрупповой: различия между группами будут в таком случае оказываться важнее различий между индивидами. Предполагаемое преимущество группового отбора связано с тем, что он снижает издержки мониторинга при осуществлении коллективных действий (поскольку индивиды начинают автоматически преследовать общегрупповые цели), поощряя тем самым сотрудничество в масштабах всего сообщества.

В биологии идея группового отбора начала активно разрабатываться в середине XX века (хотя ее следы обнаруживаются уже в дарвиновском «Происхождении человека» [Дарвин, 2009]) и какое-то время пользовалась среди биологов достаточно большим авторитетом. Групповой отбор помогает объяснять то, что не удается объяснить индивидуальным отбором: каким образом могут закрепляться и воспроизводиться «альтруистические» формы поведения, когда отдельные особи действуют на благо своей группы, но в ущерб самим себе или, говоря иначе, когда они повышают шансы на выживание других членов группы ценой их понижения для себя? Скажем, если какая-то птица при приближении хищника подает сигнал опасности, то этим она помогает спастись другим членам стаи, но сама становится для хищника более легкой добычей. Утверждалось, что группы, члены которых ведут себя подобным образом, будут выигрывать конкуренцию у групп, члены которых ведут себя «эгоистически» (скажем, не подают сигнала опасности), потому что у первых будет вы-

живать более многочисленное потомство. Со временем более альтруистичные популяции, члены которых склонны проявлять заботу об общем благе (читай: выживании всей группы), будут замещать менее альтруистичные популяции, члены которых заботятся только о себе, что должно вести к закреплению и распространению признаков (в современной биологической теории – генов), отвечающих за такое поведение.

Однако уже в 1960-е годы, когда в биологии базовой единицей естественного отбора были признаны отдельные гены, идея группового отбора подверглась сокрушительной критике и фактически предана анафеме. Существование альтруистического поведения по отношению к неродственникам стало восприниматься как невозможное априори [Williams, 1966]. Идея группового отбора была отвергнута подавляющим большинством биологов и практически полностью забыта на несколько десятилетий. Главным контраргументом служила ссылка на то, что в экономической теории известно под названием «проблемы безбилетника». Птица, подающая при приближении хищника сигналы опасности, действительно давала бы своей стае преимущество перед стаями, где таких бдительных птиц не было. Однако внутри своей стаи особи, избегающие подавать сигналы опасности, с большей вероятностью выживали бы и оставляли бы потомство, чем особи, готовые «заботиться» о стае, рискуя собственной жизнью. Из-за этого в следующем поколении птиц с генами, отвечающими за альтруизм, оказывалось бы меньше, в следующем – еще меньше и т.д., пока присутствие таких птиц в стае не опускалось бы до нуля, так что она бы уже состояла исключительно из «птиц-эгоистов», молчащих при приближении хищников. Отсюда следовало, что внутригрупповой отбор всегда будет доминировать над межгрупповым.

В эволюционной перспективе обладание альтруистическими признаками оказывается адаптивно на групповом уровне, но неадаптивно на индивидуальном. Пользуясь выгодами от действий альтруистичных особей, но избегая при этом издержек, связанных с такого рода поведением, «безбилетники» получают сравнительное преимущество с точки зрения распространения своих генов. Хотя группы, имеющие альтруистичных членов, побивают группы, состоящие из эгоистичных членов, внутри любой отдельной группы «эгоисты» побивают «альтруистов» [Wilson, Wilson, 2007, 345]. Достаточно в груп-

пе альтруистов появиться случайным образом одному мутанту-эгоисту, чтобы через какое-то время в ней не осталось ни одного альтруиста. Говоря языком экономической теории, концепции группового отбора не хватает «микрооснований», исходя из которых могло бы возникать устойчивое альтруистическое равновесие.

Согласно современным представлениям, в органическом мире поведенческий «альтруизм» возможен только в двух крайне ограниченных формах – ограниченных, потому что он может распространяться лишь на предельно узкий круг представителей своего вида.

Во-первых, это родственный, или кин-альтруизм. Он направляется не на любых особей данного вида или данной популяции, а только на тех, что состоят друг с другом в кровном родстве. Современная эволюционная теория предсказывает, что естественный отбор будет благоприятствовать проявлениям альтруизма среди родственников Поскольку кровные родственники имеют высокую долю идентичных генов, отдельная особь может жертвовать своим выживанием и репродуктивным успехом ради выживания и репродуктивного успеха сородичей, если благодаря этому шансы на передачу ее генетического материала следующим поколениям повышаются. Скажем, у родных братьев и сестер общей будет половина генов, у двоюродных братьев и сестер – четверть и т.д. Соответственно особь может быть готова пожертвовать собой ради спасения двух родных братьев или сестер, ради четырех двоюродных братьев или сестер и т.д. То, что «плохо» для выживания отдельного организма (например, предупреждение об опасности), может быть «хорошо» для выживания его генов. При определенных условиях кин-альтруисты будут иметь репродуктивное преимущество перед чистыми «эгоистами», так что имеющееся в популяции количество копий генов, отвечающих за такой альтруизм, будет возрастать[45].

Во-вторых, это взаимный, или реципрокный, альтруизм, который строится по принципу «ты – мне, я – тебе» и может распространяться на любых лично знакомых индивидов (не обязательно родственников). При условии повторяющихся взаимодействий, между индивидами могут возникать такие формы кооперации, которые станут подталкивать их к тому, чтобы отказываться от краткосрочных пре-

---

[45] Любопытно, однако, что объясняя акты «альтруизма» между родственниками, эта теория оказывается неспособна объяснить подобного рода акты между партнерами по браку.

имуществ, связанных с обманом партнеров, ради сохранения более значительных преимуществ, связанных с поддержанием кооперативных отношений [Trivers, 1971]. В таких случаях особи будут приходить друг другу на помощь, если ожидают, что в обмен на услугу, оказанную ими сегодня, им не откажут в аналогичной услуге завтра. По сути, это форма обмена во времени. Соответственно, особи, получающие периодически помощь от других, будут иметь репродуктивное преимущество перед особями, не получающими ее никогда. По сравнению с кин-альтруизмом реципрокный альтруизм представляет собой более продвинутую форму поведения. Как отмечают эволюционные биологи, особи, способные образовывать альянсы не только с родственниками, имеют значительное преимущество перед теми, кто может вступать в союзы только с ними.

Однако реципрокный альтруизм невозможен при отсутствии способности различать отдельных представителей своего вида и запоминать как позитивные, так и негативные результаты общения с ними в прошлом. Кроме того, состав группы должен оставаться достаточно стабильным. Поскольку такие обмены услугами не одновременны, для них требуется достаточно высокая степень доверия между участниками. Чем чаще индивид оказывает услуги другим, тем выше доверие к нему, тем надежнее его репутация и тем больше ответная помощь, на которую при необходимости он может рассчитывать[46].

Уязвимость реципрокного альтруизма связана с тем, что он подвержен высокому риску эксплуатации со стороны «безбилетников», склонных получать помощь от других, ничего не давая взамен. Отсюда – необходимость в выявлении и исключении уклонистов, что проще достигать в малых замкнутых группах, где все знают друг друга в лицо, где взаимодействия носят регулярный характер и где отсутствует мобильность (переходы между группами). По мнению эволюционных психологов, в течение тысячелетий существования в малых группах люди непрерывно совершенствовали как искусство обмана других с тем, чтобы иметь возможность пользоваться выгодами от «безбилетничества», так и искусство по распознаванию и наказанию «обманщиков», чтобы избегать связанных с этим потерь. Воз-

---

[46] Стоит, однако, отметить, что возможности реципрокного альтруизма тоже достаточно ограничены: он может успешно работать в рамках игр с двумя участниками, но плохо применим к играм с числом участников больше двух [van den Bergh, Gowdy, 2009].

можно, как утверждается в некоторых исследованиях, развитие у *Homo sapiens* исключительных способностей и умений как по обману партнеров, так и по обнаружению и предотвращению обмана стало одним из важнейших факторов, способствовавших увеличению объема мозга человека и усложнению его сознания.

Хотя родственный и взаимный альтруизм и называют «альтруизмом», на самом деле это разновидности «эгоистической» стратегии – только не самих отдельных организмов, а их генов, «заинтересованных» в производстве максимального числа своих копий. «Эгоистичный ген» (выражение Докинза) санкционирует подобные – по видимости, «неэгоистичные» – формы поведения, поскольку они способствуют его более широкому распространению [Докинз, 2022].

Однако возможность универсального (неограниченного) альтруизма – по отношению ко всем представителям своего вида или своей популяции или хотя бы большой их части – современная биологическая теория исключает, поскольку он оказывается беззащитен перед угрозой «безбилетничества». Но это выбивает почву из-под идеи группового отбора, для которого в мире, населенном эгоистами, просто не остается места. Очевидно, что поведенческие паттерны и кин-альтруизма, и реципрокного альтруизма (точнее – отвечающие за них гены) отбираются под действием внутригрупповой, а не межгрупповой конкуренции.

Однако это же утверждение можно повернуть в обратную сторону, сказав, что родственный отбор и реципрокность неспособны объяснять случаи самоотверженного и альтруистического поведения по отношению к тем, кто не находится с индивидом ни в родственных, ни в обменных отношениях или вообще ему незнаком. Но примеры такого «универсального» альтруизма встречаются, возможно, даже среди животных, а его проявления в человеческих сообществах – очевидный эмпирический факт [Marciano, 2009]. Человеческие существа часто заботятся о благополучии неблизких им людей, имеют обостренное чувство справедливости и нередко тратят имеющиеся у них ресурсы в рамках однократных игр с тем, чтобы наказывать «безбилетников», а также тех, кто причиняет вред анонимным третьим лицам, о которых они ничего не знают и никогда не узнают [Marciano, 2009; Fehr, Gachter, 2003].

С точки зрения индивидуального отбора подобная форма поведения выглядит явной аномалией и поэтому биологам, хранящим

верность постулату об «эгоистичном гене», не остается ничего другого, кроме как объявлять ее «ошибкой эволюции» или пытаться связывать ее с ложно направленным родственным или реципрокным «альтруизмом», когда индивидам не удается отличать «близких» от «неблизких», «своих» от «чужих». Однако это предположение крайне плохо согласуется с тем, что известно о реальном поведении людей, которые демонстрируют исключительно высокую чуткость при различении «своих» и «чужих»: они крайне редко ошибаются, определяя, кто принадлежит к их семье, друзьям, знакомым, членам группы и т.д. [Henrich, 2004]. В свете этого для механизма группового отбора все же остается определенное место – во всяком случае, теоретически.

Действительно, в последние десятилетия XX века благодаря работам известного биолога Д. Уилсона и его соавторов идея группового отбора была реабилитирована, обретя в биологии как бы второе дыхание [Wilson, 1975; Wilson, Wilson, 2007]. Предложенная Уилсоном модель опирается на так называемый «парадокс Симпсона». Представим, что есть две подгруппы с неодинаковой долей носителей определенного признака – высокой и низкой. Тогда не исключена парадоксальная ситуация, когда со временем доля носителей этого признака в обеих подгруппах станет уменьшаться, но во всей группе увеличиваться – если численность первой подгруппы будет возрастать намного быстрее, чем численность второй.

Логику этого механизма можно проиллюстрировать на простом арифметическом примере. Предположим, существуют две подгруппы – *A* и *B* – из 100 индивидов каждая, но в первой соотношение между альтруистами и неальтруистами составляет 80 против 20, а во второй 20 против 80. Таким образом, во всей популяции доля альтруистов равняется 50%. Естественно, во внутригрупповой конкуренции репродуктивное преимущество будут иметь неальтруисты: пользуясь даровым доступом к общественным благам, которые – с издержками для себя – будут производить альтруисты, они станут оставлять более многочисленное потомство. Допустим, разница составляет 10%, так что у подгруппы *A* доля альтруистов сократится во втором поколении до 78,5%, а у подгруппы *B* до 18,5% (округленно). Однако в межгрупповой конкуренции репродуктивное преимущество будет на стороне подгруппы *A*, потому что из-за более высокой доли альтруистов и, значит, большего объема производимых ими об-

щественных благ, ее члены смогут размножаться активнее, чем члены подгруппы *B*. Предположим, что во втором поколении численность подгруппы *A* увеличилась вдвое (до 200), а численность подгруппы *B* – только в 1,2 раза (до 120). Тогда вся популяция будет насчитывать 320 членов, причем 179 из них окажутся альтруистами (157 из первой подгруппы и 22 из второй). В результате доля альтруистов во всей популяции увеличится с первоначальных 50% до более 55%. Из-за того, что межгрупповая конкуренция окажется сильнее внутригрупповой, никакого замещения альтруистического поведения эгоистическим не произойдет: доля альтруистов во всем населении возрастет, хотя их доля в каждой подгруппе снизится.

Конечно, этот механизм может работать лишь при определенных условиях и поэтому его нельзя считать универсальным: достаточно изменить числовые соотношения между показателями фертильности альтруистов и неальтруистов или темпами роста подгрупп *A* и *B*, чтобы через несколько поколений носители альтруизма были полностью вымыты из популяции. Модель Уилсона строится на достаточно жестких предпосылках: репродуктивные различия между группами должны быть намного больше, чем между индивидами; группы должны проходить через регулярно повторяющиеся циклы разделения на подгруппы с их последующим объединением спустя несколько поколений; деление на подгруппы не должно носить случайного характера (альтруисты должны вести себя избирательно и с большей вероятностью образовывать новые подгруппы с другими альтруистами); должна полностью отсутствовать миграция (иначе приток эгоистов из подгруппы *B* в подгруппу *A* сделает групповой отбор недействительным). Возможно, в природном мире существует немало сообществ, для которых все эти условия выполняются. Однако применительно к человеческим сообществам подобный сценарий выглядят не слишком вероятно (особенно в том, что касается полного отсутствия миграции между группами). Поэтому вопрос о применимости модели группового отбора Уилсона к культурной эволюции остается открытым.

Безусловно, работы Уилсона возродили интерес биологов к идее группового отбора, продемонстрировав, что ее нельзя считать несостоятельной априори и что ее валидность – это вопрос эмпирический. Тем не менее в биологической науке она все еще остается спорной и многие ведущие исследователи ее по-прежнему категорически отвергают.

Хайеку было прекрасно известно о неприятии большинством биологов идеи группового отбора, а также о главном возражении против нее, отсылающем к проблеме «безбилетничества». Поэтому в своих работах он специально оговаривался, что вопросы о действии этого механизма отбора в культурной и биологической эволюции никак не связаны. Это два разных вопроса, и даже если в органическом мире групповой отбор невозможен, отсюда не следует, что в социальном мире ему также нет места: «Концепция группового отбора, возможно, не так важна [в биологии], как полагали после ее введения <…> Однако нет сомнения в том, что групповой отбор имеет огромное значение в культурной эволюции» [Хайек, 2006, 605][47].

Однако большинство критиков Хайека были склонны игнорировать его разъяснения и в качестве решающего аргумента, полностью обесценивающего его подход, продолжали ссылаться на проблему «безбилетничества»: «Тот же основной аргумент, который ставит под сомнение понятие группового отбора в биологии, в равной мере, как представляется, выбивает почву из-под понятия культурного группового отбора. Поскольку в конечном счете именно индивиды должны усваивать и практиковать поведенческие регулярности, среди которых, как предполагается, происходит отбор, возникает парадокс того же самого типа: хотя индивиды, живущие в группах, в которых практикуются “более адаптивные” правила, оказываются в лучшем положении по сравнению с индивидами, живущими в группах с “менее адаптивными” правилами, внутри групп те, кто несут издержки социально выгодного, но связанного с самопожертвованием поведения, будут оказываться в относительно худшем положении, чем безбилетники, которые пользуются групповым выигрышем, не участвуя в несении издержек по его созданию. Следовательно, несмотря на межгрупповой выигрыш от соблюдения “более адаптивных” правил, будет иметь место внутригрупповой проигрыш для тех, кто действительно их соблюдает, по сравнению с теми, кто пользуется их плодами даром» [Vanberg 1986, 87]. Иначе говоря, факт получения группой выгод от какой-либо нормы не объясняет, почему этой норме должны следовать ее отдельные члены.

---

[47] «Вопрос о том, действует ли механизм группового отбора <…> в ходе биологической эволюции, остается открытым, но мои выводы не зависят от его решения» [Хайек, 1992, 48].

Начнем с того, что Хайек был прекрасно осведомлен о существовании проблемы «безбилетничества» [Andreozzi, 2005], то есть о потенциальном конфликте между интересами индивида и интересами группы[48]. В своих работах он ссылался на различные механизмы инфорсмента, способные побуждать/принуждать индивидов к соблюдению благоприятных для группы правил – сверх и помимо «альтруизма», к которому чаще всего сводится аргументация современных теоретиков группового отбора. Ему было очевидно, что какие-то правила являются самовыполняющимися (self-enforced), тогда как для соблюдения каких-то других необходимо применение санкций: «Некоторым из <...> правил все индивиды будут подчиняться из-за того, что окружающая среда репрезентируется в их сознании сходным образом. Другим они будут следовать спонтанно, потому что они являются частью их общей культурной традиции. Но обнаружатся и такие правила, которым их будут заставлять подчиняться, потому что, хотя в интересах каждого будет пренебрегать ими, но общий порядок, от которого зависит успех их действий, возникнет лишь при условии, что эти правила будут в общем случае соблюдаться» [Хайек, 2006, 63, с изменениями].

Во-первых, существуют поведенческие регулярности, которым все будут следовать, потому что все сталкиваются с одинаковыми обстоятельствами. Во-вторых, само сознание членов группы или, что то же самое, имеющаяся у них картина мира (представления о том, что хорошо, а что плохо, что выгодно, а что невыгодно и т.д.) не спускается им откуда-то извне в готовом виде, а формируется исходя из все тех же принятых в группе норм. В результате их интериоризации вероятность появления уклонистов, чье сознание допускает «безбилетничество», минимизируется. Благодаря «общей культурной традиции» готовность мыслить и действовать индивидуально выгодным, но социально вредным образом подрывается (по крайней мере, частично), что связано с социальной укорененностью самого человеческого сознания. В-третьих, если какие-то правила благоприятствуют каждому из членов группы, все также будут склонны им следовать. Это самовыполняющиеся правила, которые предполагают, что вза-

[48] Обвинения Хайека в том, что он не имел понятия о проблеме безбилетника выглядят тем более абсурдно, что он высоко ценил работу М. Олсона о коллективном действии и не раз на нее ссылался.

имодействие между участниками строится по принципу координационных игр. В-четвертых, Хайек выделял еще один мощный мотив, который практически полностью игнорируется в новейшей литературе на эту тему, – врожденный страх перед миром без правил: «Индивид сознает, что если он нарушит правила, то подвергнет себя опасности даже при отсутствии того, кто мог бы его наказать, и страх перед опасностью заставит даже животное не сходить с проверенного пути» [Хайек, 2020c, 383]. Люди понимают, что в случае несоблюдения правил своей группы они могут навлечь на себя самые ужасные события и оказаться в мире, где уже не смогут ориентироваться. Эффективность многих норм и табу основана именно на этом – на парализующем воздействии страха: «Больше всего [человек] боится потерять ориентиры и приходит в ужас, когда перестает понимать, что делать дальше» [Хайек, 2020c, 383]. По наблюдениям Хайека, часто от несоблюдения правил останавливает «неизбежное проявление паники, наступающей всякий раз, как человек осознает, что перед ним неведомый мир» [Хайек, 2020c, 383][49].

Наконец, существуют правила, открытые угрозе «безбилетничества», когда у каждого есть стимул их нарушать, какими бы полезными они ни были для общего социального порядка (типичный пример – права собственности): «Чтобы складывающийся порядок стал благотворным, люди должны соблюдать также некоторые конвенциональные правила, то есть правила, которые не вытекают из желаний людей или из их понимания причинно-следственных связей, а являются нормативными требованиями, предписывающими им, что делать и чего не делать» [Хайек, 2006, 63]. Соблюдение таких правил требует внешних механизмов инфорсмента – общих или специализированных. Хайек не сомневался, что социально полезные правила, снижающие индивидуальную приспособленность агентов, должны обеспечиваться формальными или неформальными институтами. В подобных ситуациях индивиды начинают воздерживаться от «безбилетного» поведения из-за давления других членов группы – потому, что боятся возмездия с их стороны, а не потому, что альтруисти-

[49] Исторически важнейшим механизмом инфорсмента правил Хайек считал религии, заставлявшие людей избегать нарушения групповых норм из страха подвергнуться жесточайшему наказанию со стороны неких сверхъестественных сил [Хайек, 2020c, 382].

чески настроены: «Если девиантная манера поведения вызывает неприятие у прочих членов группы, а соблюдение правил является условием успешного внутригруппового сотрудничества, то тем самым создается эффективное давление, побуждающее к сохранению установленного набора правил» [Хайек, 2020c, 381].

Как справедливо отмечал Хайек, независимо от того, что происходит в животном мире, в человеческих сообществах их члены демонстрируют готовность, с одной стороны, подвергать нарушителей правил наказанию (причем делать это добровольно, без внешнего принуждения и без видимого выигрыша для себя) и, с другой, высказывать одобрение тем, кто строго им следует: «Всякая мораль зиждется на различии оценок, получаемых разными людьми от сограждан и отражающих степень их соответствия принятым моральным стандартам <…> мораль сохраняется путем разделения людей на тех, кто соблюдает правила, и тех, кто их не соблюдает. Я сильно сомневаюсь, что какое-либо моральное правило может быть сохранено, если из порядочного общества не исключать тех, кто его регулярно нарушает; для сохранения морали существенно даже, чтобы люди запрещали своим детям водиться с плохо воспитанными детьми. Возможен только один механизм моральных санкций: общество должно быть разделено на группы с установленными принципами допуска в них» [Хайек, 2006, 493]. Изгнание из группы было, наверное, самым ранним и самым эффективным средством наказания, которым обеспечивалось соблюдение правил: сначала это было фактическое исключение из группы тех, кто не соответствовал групповым нормам; позднее сдерживающим фактором стал служить страх перед перспективой исключения.

Казалось бы, на это можно возразить: инфорсмент принятых правил – это общественное благо второго порядка, производство которого точно так же не свободно от угрозы «безбилетного» поведения. Участие в контроле и наказании нарушителей точно так же сопряжено с издержками, создавая у индивидов стимулы к тому, чтобы уклоняться и перекладывать эти издержки на других. Те, кто уклоняется от участия в наказании нарушителей, окажутся в более выигрышном положении по сравнению с теми, кто добросовестно выполняет свои обязательства «контролеров» и несет связанные с этим издержки. Уклонисты будут оставлять более многочисленное потомство, так что в следующих поколениях все больше нарушителей пра-

вил будет оставаться без наказания, а вслед за тем перестанут выполняться и сами правила: некооперативные формы поведения вытеснят кооперативные. В результате механизм группового отбора перестанет действовать – межгрупповая конкуренция будет полностью подавлена внутригрупповой

Однако это возражение только на первый взгляд кажется неотразимым – во всяком случае эмпирические свидетельства говорят об ином. Оно не учитывает, что участие в инфорсменте правил способно радикально менять структуру выигрышей и проигрышей как для тех, кто склонен, так и для тех, кто не склонен в нем участвовать. Наказание «безбилетников» второго порядка – скажем, в форме их остракизма или нежелания образовывать с ними семейные пары – будет приводить к тому, что их шансы на то, чтобы выживать и оставлять потомство, будут значительно ниже, чем у «не-безбилетников». Иными словами, репродуктивное преимущество будет на стороне тех, кто не уклоняется от наказания нарушителей принятых правил. Накоплен огромный массив эмпирических данных, свидетельствующих о том, что в экспериментальных ситуациях большинство людей действительно демонстрируют готовность наказывать нарушителей правил «честной игры», даже когда это оказывается связано для них с реальными издержками и когда они не могут ожидать от этого никакой компенсации для себя в будущем.

Такое поведение естественно связать с тем, что усвоение принятых в группе норм формирует у ее членов (во всяком случае – большинства) такую шкалу предпочтений, при которой они испытывают внутреннее удовлетворение от наказания нарушителей и, наоборот, сильный психологический дискомфорт (в форме чувства вины или чувства стыда), когда они этим пренебрегают. Точно так же они могут испытывать внутреннее удовлетворение от высказывания одобрения тем, кто, напротив, строго следует принятым в группе нормам[50]. Выражение знаков осуждения и одобрения возлагает мини-

[50] Ср.: «Всякая мораль зиждется на различии оценок, получаемых людьми от сограждан и отражающих степень подчиненности оцениваемых принятым моральным нормам <...> Мораль сохраняется путем разделения людей на тех, кто соблюдает правила, и тех, кто их не соблюдает, независимо от того, какие побуждения двигают нарушителями <...> Те, кто соблюдает правила, рассматриваются как лучшие, более ценные члены общества, которые могут не пожелать водиться с нарушителями. Без подобных санкций не будет и морали» [Хайек, 2006, 493].

мальные издержки на тех, кто их демонстрирует, но может сильно влиять на поведение тех, кому они адресованы: «У нас есть только одно врожденное свойство – страх перед знаками неодобрения со стороны окружающих» [Хайек, 2006, 489].

Но главное даже не в этом, а в том, что у Хайека и у эволюционных биологов идея группового отбора используется для решения не одной и той же, а совершенно разных проблем. Главной задачей большинства моделей группового отбора является объяснение поведения, полезного для группы, но вредного для индивида (таково техническое определение альтруизма). Групповой отбор (при определенных условиях) обеспечивает репродуктивные преимущества тем, кто склонен к альтруистическому поведению, по сравнению с теми, кто к нему не склонен. Он, таким образом, помогает понять, как – несмотря на риск «безбилетничества» – могут возникать и устойчиво воспроизводиться просоциальные паттерны поведения или, что то же самое, как могут выживать и распространяться популяции альтруистов.

У Хайека мы обнаруживаем нечто иное. Уникальность его подхода в том, что идею группового отбора он использовал для ответа на другой вопрос, чем вопрос о том, почему индивиды готовы подчиняться правилам, невыгодным им, но выгодным их группе. Более того, он не рассматривал групповой отбор в качестве ключа к этой проблеме и не видел в альтруизме единственный способ ее решения. С одной стороны, он указывал на существование множества различных механизмов инфорсмента, способных достаточно эффективно ограничивать «безбилетное» поведение индивидов сверх и помимо собственно альтруизма. С другой, он считал, что соблюдение индивидами норм, невыгодных им, но выгодных группе, не связано с механизмом группового отбора и что для объяснения такого поведенческого «конформизма» ссылаться на него совершенно не обязательно. Любое общество вынуждено так или иначе решать проблему соблюдения правил: иначе оно не могло бы существовать как общество. Хайек принимал это как данность: «Условием формирования порядка действий является фактическое соблюдение правил, а вопрос о том, нужно ли их поддерживать санкциями и как это делать, представляет второстепенный интерес <...> Не имеет значения, соблюдаются ли они потому, что описывают единственный известный лю-

дям способ достижения определенных целей, или потому, что поступать иначе мешает некое давление или страх наказания» [Хайек, 2006, 115]. Не следует путать, предупреждал он, «причины появления правил <...> с причинами, которые делают необходимым их инфорсмент» [Хайек, 2006, 115, с изменениями].

Даже если предположить, что правила будут строго соблюдаться, все равно остается вопрос: почему одни из них выживают и воспроизводятся, а другие нет? [Andreozzi, 2005]. Хорошо работающие механизмы инфорсмента способны обеспечивать выполнение любых правил – как эффективных, так и неэффективных – вне зависимости от того, к чему ведет их соблюдение. Если за нарушение нормы грозит суровое наказание, человеку лучше подчиниться, какими бы ни были последствия его конформизма для группы в целом.

В концепции Хайека механизм группового отбора служит не для объяснения того, откуда берется альтруизм, а для объяснения того, откуда берутся благотворные для общества правила и порядки. Групповой отбор помогает понять, почему группы, которые обеспечивают добровольное или принудительное выполнение эффективных правил, выживают, а группы, которые обеспечивают добровольное или принудительное выполнение неэффективных правил, перестают существовать. Это в равной степени относится как к самовыполняющимся правилам, так и к правилам, выполняющимся только при обеспечении их санкциями. Хайековская концепция культурной эволюции предполагает, что культурный отбор отдает предпочтение не группам, где правила соблюдаются (вследствие альтруизма или чего-либо еще), перед группами, где они нарушаются, а группам, которые выработали и поддерживают эффективные правила, перед группами, которым это не удалось[51].

---

[51] «Стандартный аргумент против группового отбора, основанный на проблеме безбилетника, не противоречит теории культурной эволюции Хайека, потому что он изначально не рассматривал групповой отбор как “решение” проблемы коллективного действия. В хайековском подходе групповой отбор объясняет исходя из вклада различных правил поведения в создание и поддержание жизнеспособного социального порядка, почему одни из них сохранились, а другие исчезли. Но это не объясняет, почему люди подчиняются нормам, доминирующим в группе, к которой они принадлежат. Объяснением индивидуального конформизма такого рода служат либо выгоды от координации (в случае самовыполняющихся правил), либо давление и наказание со стороны окружающих» [Andreozzi, 2005, 237].

Групповой отбор и принцип методологического индивидуализма

В своей концепции культурной эволюции Хайек исходил из представления о групповом отборе как эволюционной силе, которая подталкивает человеческие сообщества к тому, чтобы принимать полезные для них правила и практики. Вместе с тем в более ранних работах он отстаивал принцип методологического индивидуализма, то есть подход, при котором социальные феномены объясняются в терминах поведения и взаимодействия индивидов, а не в терминах активности «коллективных» конструктов, таких как группы, классы или нации [Whitman, 2004].

Сочетание этих исследовательских установок стало источником обвинений Хайека в том, что его взгляды страдают от неразрешимого внутреннего противоречия: идеи методологического индивидуализма и группового отбора несовместимы; его подход – это попытка усидеть на двух стульях, в то время как вопрос стоит либо/либо; в предложенной им концепции культурной эволюции он де-факто перешел на позиции методологического холизма, который раньше подвергал фронтальной критике[52]. При этом с точки зрения одних критиков ему бы следовало отказаться от группового отбора ради методологического индивидуализма [Vanberg, 1986], тогда как с точки зрения других – от методологического индивидуализма ради группового отбора [Hodgson, 1993]. В чем тем не менее они оказываются едины, так это в том, что избранная Хайеком позиция непоследовательна и не может быть принята.

Однако более проницательные исследователи хайековского научного наследия оспорили этот вердикт, показав, что претензии критиков лишены реальных оснований: никакого неустранимого противоречия между взглядами раннего и позднего Хайека нет; перехода на позиции методологического холизма с его стороны не было;

[52] «Этот вопрос привлек широкое внимание, потому что исследователи были заинтригованы тем, что (а) известный защитник методологического индивидуализма использует такое спорное понятие с холистским привкусом как групповой отбор; и что (б) поборник индивидуализма и эгоизма придерживается весьма специфической точки зрения на (биологическую) эволюцию, к которой обращались обычно для того, чтобы продемонстрировать возможность существования альтруизма» [Andreozzi, 2005, 227].

при более глубоком анализе понятия методологического индивидуализма и группового отбора предстают как вполне совместимые и не исключающие друг друга исследовательские установки [Langlois, 1986; Whitman, 2004; Zywicki, 2004; Andreozzi, 2005; Gaus, 2006; Schaefer, 2021].

Конечно, по большому счету ответ на вопрос о совместимости или несовместимости этих принципов зависит от того, как каждый из них понимается и интерпретируется. Как известно, особенно сильная неразбериха существует в трактовке методологического индивидуализма, для которого в литературе, посвященной философским проблемам социальных наук, было предложено множество самых разноречивых определений и толкований[53]. Однако для нас в данном случае важно только то, какой смысл в это понятие вкладывал сам Хайек.

Как показал американский экономист Р. Ланглуа [Langlois, 2004], в самом общем виде можно выделить три альтернативных методологических установки относительно того, как должны строиться научные объяснения надындивидуальных социальных структур (таких как фирмы, политические организации, институциональные системы и т.п.):

(1) Любую социальную целостность следует реконструировать исключительно из ее составных частей и при объяснении ее поведения использовать только ту информацию, которая в них содержится. Групповые феномены – это не более чем сумма элементов, из которых они состоят.

(2) Любую социальную целостность следует анализировать, беря за отправную точку ее составные части. Однако при объяснении ее поведения необходимо также учитывать дополнительную информацию (о ее внутренней структуре, механизмах фильтрации, действующих институтах и т.д.), которая не выводится логически из характеристик индивидов. Это важно, потому что при определенных ус-

[53] «Часто остается неясным, что же это такое “методологический индивидуализм”: иногда это понятие отсылает к редукционистской объяснительной программе, иногда к метафизическому утверждению о том, какие объекты являются “реально” существующими в обществе, иногда к обоснованию агент-ориентированного моделирования социальных явлений, иногда к субъективизму особого толка, иногда к требованию, чтобы в социальных исследованиях каузальная цепочка всегда шла от индивидуальных решений к социальным фактам» [Gaus, 2020, 38].

ловиях взаимодействие между элементами системы может приводить к появлению у нее эмерджентных свойств (макроэффектов), присущих ей, но отсутствующих у них.

(3) Любую социальную целостность следует изучать непосредственно как физическую данность. Групповые феномены живут своей самостоятельной жизнью, независимой от входящих в их состав элементов, и, более того, многие из таких элементов вообще не могли бы существовать вне контекста целого.

Первую позицию Ланглуа называет «наивным методологическим индивидуализмом», вторую – «продвинутым методологическим индивидуализмом» (или просто «методологическим индивидуализмом» без каких-либо предикатов), третью – «наивным методологическим холизмом». В первых двух случаях научное объяснение строится снизу вверх (либо целиком, либо частично), тогда как в третьем – сверху вниз. Достаточно вспомнить исходные посылки хайековской теории спонтанного порядка, чтобы убедиться, что та версия методологического индивидуализма, которую отстаивал он, соответствует второй из этих позиций[54].

Исходя из этой установки предложенное исследователем объяснение будет признаваться заслуживающим внимания, только если оно способно продемонстрировать, каким образом поведение и взаимодействие индивидов при ограничениях, которые задаются окружающей их физической и институциональной средой, могут приводить к появлению тех или иных системных эффектов на надындивидуальном уровне. Хотя методологический индивидуализм не отрицает, что на идеи и действия людей огромное влияние оказывают институты, он в то же время предполагает, что сами институты можно, в свою очередь, объяснять (в принципе) идеями и действиями людей из нынешнего и прошлых поколений (естественно, опять-таки с учетом физической и институциональной среды, существовавшей ранее)[55].

---

[54] «Процесс мысленной реконструкции спонтанного порядка путем отслеживания отношений, существующих между элементами, – вот, по сути, то, что Хайек называл методологическим индивидуализмом» [Schaefer, 2021, 1217].

[55] Классическое определение методологического индивидуализма было предложено Ю. Эльстером: «Объяснить социальные институты и социальные изменения – значит показать, как они возникают в результате действий и взаимодействий индивидов. Эта точка зрения, которую часто называют методологическим индивидуализмом, на мой взгляд, тривиально верна» [Elster, 1989, 13]. Многие критики

Множество недоразумений по поводу методологического индивидуализма связано с тем, что ему вменяют представления, с которыми он не связан. Так, часто утверждается, что он подразумевает абсолютный эгоизм и совершенную рациональность индивидуальных агентов, не допускает никаких объяснений, кроме объяснений с позиции «невидимой руки», отрицает существование групп как чего-то реального и санкционирует эволюционный отбор только на индивидуальном уровне. Однако все это очень далеко от того, что стоит за этим принципом на самом деле [Whitman, 2004].

Во-первых, методологический индивидуализм не приписывает людям исключительно узкокорыстных, эгоистических мотивов поведения: жесткая привязка к эгоизму у него отсутствует. Он не определяет, какими именно должны быть предпочтения агентов – эгоистическими, альтруистическими, нацеленными на благо общества или какими-то еще. Они могут быть какими угодно. Иными словами, он не требует, чтобы поведение агентов направлялось мотивацией лишь какого-то одного типа, и оставляет открытым вопрос о том, какие именно цели и идеи могут присутствовать в их головах. Единственное ограничение, которое он накладывает, сводится к тому, что сами эти предпочтения должны принадлежать индивидам, а не сборным коллективным сущностям наподобие государств, классов или наций. Именно в этом состоит его фундаментальное расхождение с принципом методологического холизма: «Даже тогда, когда индивидуальные действия и намерения координируются с целью достижения какого-то коллективного результата, нет никаких оснований считать действующим лицом коллектив, как если бы у него были глаза, которые видят, и руки, которые движутся» [Smith, 1994, 637].

Во-вторых, методологический индивидуализм не требует от агентов совершенной рациональности и не предопределяет, как именно

не обращают внимания на вторую часть этого определения – на слова о *взаимодействии* людей, сводя все к индивидуальной психологии. Но взаимодействие даже двух индивидов всегда оказывается чем-то иным, чем автономные действия тех же индивидов, взятые сами по себе (изолированно). Во-первых, потому что совместными усилиями они могут достигать результатов, которых им было бы не под силу достичь поодиночке; во-вторых, потому что в процессе взаимодействия они могут узнавать что-то новое, чего не знали раньше; в-третьих, потому что их взаимодействие может приводить к непредвиденным побочным следствиям, которые не входили в намерения ни того ни другого. (Метафорически: диалог всегда есть нечто большее, чем два монолога, и к ним не сводится.)

должны строиться индивидуальные акты выбора. Агенты могут быть полностью рациональными, ограниченно рациональными, иррациональными, действующими по правилам, или даже автоматами. Он совместим с любым из возможных механизмов принятия решений, если за ними стоят сами индивиды.

В-третьих, методологический индивидуализм допускает не только объяснения с позиций «невидимой руки», когда социальные феномены возникают как никем не запланированный, непреднамеренный результат действий, предпринимаемых множеством людей ради достижения каких-то своих частных целей. С таким же успехом подобные феномены могут возникать в процессе принятия согласованных коллективных решений, как, например, при голосовании или выработке консенсуса. Такие решения вполне согласуются с принципом методологического индивидуализма, если они принимаются исходя из интересов, ценностей и идей самих участников этого процесса. И именно их имел в виду Хайек, когда писал о сознательно устанавливаемых правилах и сознательно конструируемых социальных порядках.

В-четвертых, методологический индивидуализм далек от того, чтобы отрицать реальность существования надындивидуальных групповых феноменов. Он только требует, чтобы поведение социальных целостностей объяснялось в терминах поведения и взаимодействия входящих в их состав элементов, – вместо того, чтобы постулировать существование неких персонифицированных коллективных сверхсущностей, к чему явно или неявно склоняется методологический холизм. Методологический индивидуализм признает наличие у социальных структур более высокого порядка эмерджентных свойств, отсутствующих у их элементов более низкого порядка, однако настаивает на том, что источником таких системных эффектов следует считать поведение и взаимодействие элементов, входящих в состав этих структур[56].

[56] Для Хайека методологический индивидуализм – это дисциплинирующее средство, призванное предохранять исследователя от смешения «конститутивных идей», находящихся в головах изучаемых им людей и направляющих их поведение, от его собственных «спекулятивных идей», выдвигаемых им самим с целью научного объяснения особенностей поведения этих людей [Хайек, 2005]. Вещи нужно принимать такими, какими они представляются непосредственно агентам, а не такими, какими их видит аналитик.

В-пятых, как уже отмечалось, понятия методологического индивидуализма и группового отбора отвечают на два разных вопроса. Первое предполагает, что индивидуальные действия, подчиняющиеся определенным правилам, могут порождать какие-то социальные результаты, второе – что в длительной эволюционной перспективе преимущество будут иметь правила, способные порождать благоприятные социальные результаты. Поэтому чисто теоретически нет ничего нелогичного в том, чтобы предполагать, что методологический индивидуализм и групповой отбор могут не исключать, а дополнять друг друга. Во всяком случае, позиция Хайека была именно такой: «Генетическая <…> и <…> культурная <…> *передача* правил поведения происходит от *индивида к индивиду*, тогда как то, что можно назвать естественным *отбором* правил, происходит на основе большей или меньшей эффективности возникающего порядка *группы*» [Хайек, 2020c, 366]. С его точки зрения здесь нет измены принципу методологического индивидуализма, потому что макрохарактеристики, присущие группам, через которые действует культурный отбор, сами выступают проекцией микрохарактеристик, присущих индивидам: «Отбор <…> направляется свойствами, характерными для соответствующих им порядков, но [эти] свойства <…> представляют собой *свойства конкретных индивидов*, а именно их готовность подчиняться определенным правилам поведения, на которых покоится порядок действий группы как целого» [Хайек, 2006, 62, с изменениями; курсив мой. – *Р. К.*][57].

Совместимость методологического индивидуализма и группового отбора можно проиллюстрировать на примере, хорошо знакомом экономистам. Любая фирма – это группа агентов, действующих единой командой (team), так что ее прибыльность или убыточность можно рассматривать как эмерджентное свойство, возникающее из их взаимодействия по установленным внутри фирмы правилам при ограничениях, которые задаются рыночной средой [Alchian, Demsetz, 1972]. Соответственно, конкуренция между фирмами – это механизм

---

[57] Сегодня большинство исследователей склонны признавать правоту Хайека: «Групповой отбор и методологический индивидуализм вполне совместимы, так что “концепции-близнецы” культурной эволюции и спонтанного порядка можно рассматривать как два аспекта общей объяснительной схемы социальных феноменов» [Schaefer, 2021, 1222].

группового отбора, где критерием оказывается большая или меньшая эффективность деятельности таких команд. Групповой отбор объясняет, почему при жесткой конкурентной дисциплине выживать будут только максимизирующие прибыль или, по меньшей мере, не приносящие постоянного убытка фирмы [Alchian, 1950]. Фирмы, которым не удается избежать хронической убыточности, создав внутри себя «благотворный порядок» (в частности – решив проблему «отлынивания»), будут вымываться рынком из популяции, так что в длительной перспективе они наблюдаться не будут. Но, кажется, пока еще никто не брался утверждать, что стандартная теория фирмы несовместима с принципом методологического индивидуализма.

Тезис о несовместимости методологического индивидуализма и группового отбора покоится на двух ошибочных представлениях. Первое: будто методологический индивидуализм настаивает на том, что единицей отбора должен выступать индивид. Но это не так ни в теории биологической эволюции, ни в теории культурной эволюции Хайека. В них индивиды – это не *единицы* отбора, а часть *механизма* отбора, влияющего на выживание и воспроизводство биологических или культурных признаков [Whitman, 1998]. Методологический индивидуализм не эквивалентен утверждению о физическом отсеве из популяции «менее приспособленных» индивидов: на самом деле идея выживания «наиболее приспособленных» есть отголосок социал-дарвинизма, давно отвергнутого наукой.

Второе: будто признание механизма группового отбора означает отказ от механизма индивидуального отбора. Но это совершенно необязательно. С точки зрения Хайека, в процессе культурной эволюции межгрупповая и внутригрупповая конкуренция действуют одновременно, причем участниками внутригрупповой конкуренции могут выступать не только индивиды, но и различные субпорядки, придавая индивидуальному отбору, как было показано на примере теории фирмы, квазигрупповой характер: «Конкуренцию, на которой основан процесс отбора, – отмечал Хайек, – следует понимать в самом широком смысле. Она включает в себя конкуренцию не только между индивидами, но и между организованными и неорганизованными группами» [Хайек, 2018, 58, с изменениями]. В человеческих сообществах индивидуальный отбор так же, как групповой, определяется репродуктивным успехом и так же не предполагает (хотя и не исключает) физического устранения носителей менее эффективных

поведенческих паттернов. Отбираются не индивиды, а правила, так что и в этом случае главными каналами отбора оказываются миграция (внутри группы) и культурные заимствования у других (предположительно – более успешных) членов группы.

Индивидуальный и групповой отбор действуют на двух взаимодополняющих уровнях. С одной стороны, если какая-то инновация не прошла через «сито» внутригрупповой конкуренции, она не сможет попасть в «сито» межгрупповой конкуренции и быть переданной другим группам. С другой, если какое-то правило подрывает позиции группы в групповом отборе, то индивидуальный отбор с высокой степенью вероятности приведет к тому, что в ней рано или поздно не останется ни одного члена, который бы продолжал за него держаться. Вместе с тем успех во внутригрупповой конкуренции не гарантирует успеха в межгрупповой, потому что это два разных фильтра с разными критериями отбора. Хайековскую концепцию культурной эволюции лучше всего интерпретировать как теорию многоуровневого отбора [Schaefer, 2021], что придает ей очень современное звучание, поскольку в последние десятилетия идея многоуровневого отбора вышла на самый передний край как в эволюционной биологии, так и в эволюционной психологии [Wilson, Wilson, 2007].

Это заставляет подробнее рассмотреть хайековские представления о том, как соотносятся между собой индивидуальные и групповые факторы культурной эволюции, индивидуальный и групповой отбор. Здесь, однако, важно разделять три разных вопроса – о механизмах *генерирования*, механизмах *распространения* и механизмах *отбора* культурных практик.

Как уже упоминалось, согласно Хайеку, источником культурных «мутаций» – нарушений принятых правил и экспериментирования с новыми – выступают действия отдельных индивидов. Такие «мутации» могут быть как случайными (скажем, в результате неточной репликации поведенческих паттернов более молодыми поколениями), так и сознательными, когда кто-то начинает нарушать традиционные нормы и вести себя по иным правилам, рассчитывая на получение от этого каких-либо выгод (материальных либо нематериальных): «Нарушители закона, пролагатели новых путей, конечно же, не руководствовались сознанием того, что новые правила будут благоприятны для общества. Нет, они просто начинали практиковать

нечто новое и выгодное для них самих – и лишь потом оказывалось, что это выгодно и для всей их группы» [Хайек, 2006, 483][58].

Соответственно, чтобы культурная эволюция могла продолжаться, в обществе всегда должно оставаться пространство для таких индивидуальных экспериментов с новыми правилами: «Желательно, чтобы правила соблюдались только в большинстве случаев и чтобы человек имел возможность преступить их, когда, по его мнению, позор и бесчестье, которое он тем самым на себя навлечет, будут оправданной платой <...> Гибкость добровольных правил делает возможными постепенную эволюцию и спонтанный рост в сфере морали, создает условия для накопления нового опыта, ведущего к изменениям и совершенствованию» [Хайек, 2018, 90–91]. По частоте и интенсивности культурных «мутаций» малые группы охотников-собирателей радикально отличались от современного открытого общества. В доисторическом прошлом человечества такие «мутации» случались редко и были сопряжены с огромным риском для тех, кто на них отваживался. Напротив, расширенный порядок не только демонстрирует высокую степень терпимости к ним, но даже поощряет их, так что издержки, с которыми сталкиваются первопроходцы, оказываются на порядок меньше. Этим объясняются различия в скорости культурной эволюции до и после начала перехода к современной цивилизации.

Что касается распространения новых правил, то оно зависит от их способности заручаться поддержкой остальных членов группы: чем больше людей начнет копировать какую-то новацию, тем быстрее она станет частью культурного наследия группы. Правила теряют или получают поддержку в зависимости от их привлекательности, полезности, легкости для имитации. Те поведенческие паттерны, которые позволяют индивидам лучше удовлетворять свои потребности, скорее всего, приживутся, а те, которые противоречат им, скорее всего, будут отвергнуты. В этом смысле индивидуальный отбор правил носит не полностью случайный характер, напоминая о «недарвинистской» природе культурной эволюции. При этом людям не обязательно понимать, чем и почему новые правила могут быть им

---

[58] Разные члены группы всегда имеют неодинаковые возможности отклоняться от принятых правил. По мнению Хайека, решающая роль принадлежит здесь статусу (репутации). Одних за отклонения от правил будут подвергать наказанию, тогда как другим начнут подражать.

полезны. Они могут переходить на эти правила просто потому, что их начали придерживаться наиболее успешные члены группы, или потому, что к ним уже перешло большинство ее членов[59].

Но, как предупреждал Хайек, другие члены группы станут подражать новатору, заимствуя введенное им новшество, только если в остальном он будет придерживаться традиционных для данного общества моральных норм: «Успех новшества, введенного нарушителем некоего правила, и доверие к нему со стороны его последователей должны быть куплены ценой скрупулезного соблюдения большинства существующих правил. Легитимизируются только те новые правила, которые в конце концов получают одобрение всего общества, и не путем формального голосования, а путем постепенного их распространения через признание» [Хайек, 2006, 488–489]. Иными словами, больше шансов на успех имеют те культурные «мутации», которые остаются точечными и не связаны с полным отказом от общепринятых моральных стандартов: «Совестливые и мужественные люди в редких случаях могут бросить вызов общественному мнению и игнорировать какое-либо правило, если они считают его неверным. Но при этом они должны доказать на деле свое уважение к господствующей моральной системе в целом неукоснительным соблюдением прочих правил» [Хайек, 2006, 493][60].

Наконец, причины, по которым тому или иному новому правилу удается успешно пройти эволюционный фильтр, чаще всего не имеют никакого отношения к причинам, по которым оно вводилось и распространялось внутри группы: «*Почему* люди когда-то установили тот или иной конкретный ранее неизвестный обычай или ввели то или иное новшество, имеет второстепенное значение» [Хайек, 1992,

---

[59] «В конце концов, конкуренция представляет собой процесс, в котором небольшая группа вынуждает остальных делать то, чего остальные не хотели бы: более напряженно работать, менять привычки, уделять внимание определенной деятельности, постоянно прилагать все новые усилия, – без чего, не будь конкуренции, вполне можно было бы обойтись» [Хайек, 2007, 398].

[60] «Хотя нынешняя мораль возникла в результате отбора, эта эволюция оказалась возможной не в результате выдач лицензий на эксперименты, а, наоборот, благодаря строгим ограничениям, делавшим невозможными изменения всей системы норм и защищавшим экспериментатора лишь на том условии, что, на свой страх и риск зарабатывая право на новшество (и порою становясь при этом первооткрывателем), нарушитель неукоснительно соблюдал большинство установившихся норм, которые только и могли гарантировать ему уважение, легитимизирующее экспериментаторство в избранном им направлении» [Хайек, 2006, 607].

77]. Новый поведенческий паттерн начинал устойчиво воспроизводиться только тогда, когда он «способствовал численному росту групп, разделявших подобные представления», но это «вовсе не обязательно было связано с причинами, по которым их придерживались» [Хайек, 1992, 132]. В подавляющем большинстве случаев люди придерживаются тех или иных правил по ложным основаниям, никак не связанным с тем, что реально заставляет их им следовать: «Большинство шагов в эволюции культуры было сделано индивидами, которые порывали с традиционными правилами и вводили в обиход новые формы поведения. Они делали это не потому, что понимали преимущества нового. На самом деле новые формы закреплялись лишь в том случае, если принявшие их группы преуспевали и росли, опережая прочие» [Хайек, 2006, 482][61].

Поэтому на вопрос, что же в эволюционном отборе правил поведения играет решающую роль, Хайек отвечал так: «Немедленные последствия предпринимаемых действий, притягивающие к себе исключительное внимание большинства людей, практически не имеют значения для этого отбора; скорее, отбор происходит в соответствии с долгосрочными последствиями решений, продиктованных правилами поведения» [Хайек, 1992, 133][62].

---

[61] Кроме того, как и эволюционные психологи [Boyd, Richerson, 2005], Хайек, по-видимому, исходил из того, что приобщенность членов группы к единой культурной традиции сводит к минимуму вариацию в паттернах поведения внутри групп. Благодаря феномену культуры фактор внутригрупповых различий во многом теряет значимость и на первый план выходит фактор межгрупповых различий.

[62] Наиболее яркий пример такого расхождения между непосредственными (психологическими) и конечными (эволюционными) причинами распространения правил – религии (прежде всего – монотеистические). Хайек называл их «блюстителями традиций», потому что решая, казалось бы, чисто духовные задачи, они сами того не желая содействовали закреплению и сохранению моральных норм, необходимых для формирования расширенного порядка. Религиозные системы способствовали стабилизации социального порядка, предоставляя достаточно времени, чтобы благотворные культурные традиции имели возможность укорениться – чтобы следовавшие им группы успевали разрастись и распространиться [Хайек, 1992, 234]. Важная роль принадлежала групповому отбору и в выживании самих религий: как утверждал Хайек, выжить смогли только те монотеистические религии, которые обеспечивали моральную санкцию правам собственности и подчеркивали важность семьи. Пример эволюционной отбраковки предельно дезадаптивной религии он видел в крахе марксистского социализма. Добавим, что в эволюционной психологии религиозность также рассматривается как одна из главных видоспецифических характеристик *Homo sapiens*.

Наконец, важно отметить, что соотношение между механизмами внутригрупповой и межгрупповой конкуренции мыслилось Хайеком совершенно иначе, чем в современных биологических моделях, где они оказываются жестко противопоставлены, поскольку драйвером индивидуального отбора выступает эгоизм, тогда как группового – альтруизм. В отличие от этого хайековская концепция культурной эволюции не исключает, что внутригрупповая и межгрупповая конкуренция могут взаимно усиливать друг друга, действуя в одном направлении, так как между ними не предполагается непреодолимого водораздела по линии эгоизм/альтруизм. Такая возможность возникает при выработке группой соответствующих правил поведения. Собственно говоря, смитовский механизм «невидимой руки» подразумевает именно это. Когда в условиях конкурентного рынка предприниматель добивается максимальной прибыли, от этого выигрывает не только он, но и другие члены его группы (за счет более полного использования ресурсов) и, как следствие, ее позиции по сравнению с другими группами становятся сильнее.

Заключение

Концепция культурной эволюции – возможно, самая недооцененная часть научного наследия Ф.А. Хайека. Сегодня от полного пренебрежения, с которым она была встречена первоначально, не осталось следа. Ретроспективно она предстает как глубокая, сложная и на удивление современная система идей, предвосхитившая многие эволюционные разработки позднейшего времени. Наиболее общий вывод, следующий из нее, можно, наверное, сформулировать так: основную часть правил поведения, которым, сами того не сознавая, следуют люди, всегда составляют регулярности, прошедшие фильтр исторического отбора на групповом уровне, потому что в эволюционной перспективе социальные порядки, поддержанию которых они способствовали, оказывались более жизнеспособными, чем какие-то иные.

Образцом при построении концепции культурной эволюции Хайеку служила теория биологической эволюции, в которой он свободно ориентировался и логическую структуру которой хорошо представлял. Соотношение между центральными для его анализа поня-

тиями – «система индивидуальных правил поведения» и «социальный порядок» – мыслилось им по аналогии с соотношением между понятиями «генотип» и «фенотип» в биологической теории. Признавал он и то, что, подобно естественному отбору, культурный отбор направляется репродуктивными преимуществами, которые могут обеспечивать обществам принятые ими правила поведения. Вместе с тем Хайек был далек от того, чтобы считать культурную эволюцию калькой с биологической, и настойчиво подчеркивал ее недарвинистскую, «ламаркистскую» природу, поскольку она допускает наследование приобретенных признаков. С этим связано и другое важнейшее отличие: культурный отбор не предполагает физического исчезновения носителей неблагоприятных признаков, то есть индивидов, следующих неэффективным правилам. Отбираются не индивиды, а правила поведения, из которых в конечном счете вырастают альтернативные социальные порядки.

Несмотря на то что в биологии идея группового отбора подверглась жесточайшей критике и фактически была отвергнута, Хайек не стал от нее отказываться, а когда она обрела в биологических исследованиях второе дыхание, стало ясно, что он опередил свое время. Однако эту идею Хайек использовал совсем иначе, чем эволюционные биологи, которые используют ее для объяснения феномена альтруистического поведения. В отличие от них он ссылался на механизм группового отбора, пытаясь объяснить, почему в длительной эволюционной перспективе тенденцию выживать и воспроизводиться будут иметь благоприятные социальные порядки, способные обеспечивать более высокий уровень жизни и поддерживать более многочисленное население. Хайек одним из первых сформулировал концепцию многоуровневого отбора, которая позднее завоевала широкое научное признание. Однако если в биологии внутригрупповая и межгрупповая конкуренция, индивидуальный и групповой отбор всегда действуют в противоположных направлениях, подрывая друг друга, то в социальном мире, как настаивал Хайек, они могут при определенных условиях действовать в унисон, усиливая друг друга.

Хотя Хайек, конечно же, не мог предвидеть многих результатов, которые были получены в эволюционных исследованиях позднее, его реконструкция социального устройства малых групп охотников-собирателей в основной своей части выглядит вполне адекватно и точно. В свете новейших представлений у нее обнаруживается один

серьезный дефект. Хайек исходил из того, что сообщества охотников-собирателей были организованы по иерархическому принципу с практически неограниченной властью вождей. Однако современные работы по эволюционной психологии приходят к выводу, что для них был характерен феномен так называемой «обратной иерархии доминирования», когда власть лидера сталкивалась с жесткими ограничениями со стороны остальных взрослых мужчин группы [Boehm, 1999]. Мужчины, находившиеся на более низких позициях, тесно кооперировались с тем, чтобы коллективно сдерживать власть доминирующего индивида. Когда лидер пытался нарушить сложившийся баланс сил, они прибегали к различным сдерживающим средствам – от насмешек до убийства или уходов из группы. В большинстве случаев решения принимались на основе консенсуса и в его выработке участвовали все мужчины, достигшие определенного возраста[63]. Хотя иногда лидерам удавалось захватывать почти единоличную власть, такие случаи, как предполагается, были немногочисленны. Однако, как нетрудно убедиться, феномен «обратной иерархии доминирования» служит еще одним, дополнительным аргументом, подкрепляющим вывод Хайека о глубоко коллективистской природе социального устройства малых групп охотников-собирателей.

Но в том что касается осмысления культурного фундамента современных, сложно организованных обществ с широким разделением труда, сравнение, похоже, оказывается не в пользу представителей эволюционной психологии. Чаще всего они не проводят различия между эволюционными процессами, сформировавшими в человеческой психике глубинные структуры, приспособленные для сотрудничества между лично знакомыми людьми в малых группах, и эволюционными процессами, направлявшимися на частичное преодоление таких врожденных установок, что открывало возможности для сотрудничества между множеством лично незнакомых людей в больших обществах. Эволюционные психологи склонны ограничиваться указаниями на то, что в черепных коробках современных людей все еще сидят адаптации к материальным и технологическим условиям каменного века, которые, как и раньше, продолжают направлять их поведение. Для Хайека же принципиально важным было другое – то,

---

[63] В этом смысле организация ранних человеческих сообществ сильно отличалась от организации сообществ некоторых приматов (например, шимпанзе) с господством альфа-самцов.

что в их черепных коробках все еще сидят адаптации к *социальным* условиям давно прошедших эпох. В этом он усматривал истоки наиболее болезненных конфликтов и противоречий, угрожающих современной цивилизации. В данном пункте его эволюционные взгляды представляются и более глубокими, и более тонкими, и более эвристичными.

Даже когда современные исследователи не соглашаются в чем-то с Хайеком, они признают глубину его эволюционных идей. Сегодня высказывания о его концепции культурной эволюции выглядят совершенно иначе, чем полвека назад, когда она была только представлена: «Хайек верно ухватил самую суть проблемы» [Rubin, Gick, 2004, 79]; «Теория культурной эволюции Хайека может стать мощным инструментом для аналитика, находящегося в поиске общей теории социального развития и роста институтов» [Whitman, 1998, 64]; «Работа Хайека представляет собой изощренную (и зачастую прорывную) систему идей, охватывающую проблемы сложности, предсказания, эволюции и природы человеческого сознания» [Gaus, 2006, 15]; «Теория культурной эволюции Хайека вовсе не была простым историческим курьезом, но предвосхитила некоторые из наиболее интересных изменений в эволюционном мышлении в социальных науках» [Andreozzi, 2005, 229].

На наш взгляд, концепция культурной эволюции Хайека может служить убедительным подтверждением слов американского экономиста П. Бёттке о том, что в нем правильнее всего видеть «теоретика не XX, а, скорее, XXI века» [Boettke, 2018, 3].

Литература

Дарвин Ч. (2009). Происхождение человека и половой отбор. М.: Терра.

Дарвин Ч. (2016). Происхождение видов. М.: Эксмо.

Докинз Р. (2022). Эгоистичный ген. М.: Corpus.

Палмер Дж., Палмер Л. (2007). Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens. СПб.: Прайм-Еврознак.

Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.

Хайек Ф. А. (1992). Пагубная самонадеянность. М.: «Новости».

Хайек Ф. А. (2003). Контрреволюция науки. М.: ОГИ.

Хайек Ф. А. (2006). Право, законодательство, свобода. М.: Навигатор.

Хайек Ф. А. (2018). Конституция свободы. М.: Новое издательство.

Хайек Ф. А. (2020a). Политический идеал верховенства закона // Хайек Ф. А. Рынок и другие порядки. М.: «Интермедиатор». С. 161–334.

Хайек Ф. А. (2020b). Теория сложных явлений / Хайек Ф. А. Рынок и другие порядки. М.: «Интермедиатор». С. 335–363.

Хайек Ф. А. (2020c). Заметки об эволюции систем правил поведения // Хайек Ф. А. Рынок и другие порядки. М.: «Интермедиатор». С. 364–383.

Хайек Ф. А. (2020d). Результат человеческой деятельности, но не человеческого замысла / Хайек Ф. А. Рынок и другие порядки. М.: «Интермедиатор». С. 384–398.

Alchian A. A. (1950). Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy. Vol. 58. No. 3. P. 15–36.

Alchian A. A., Demsetz H. (1972). Production, Information Costs, and Economic Organization // American Economic Review. Vol. 62. No. 5. P. 777–795.

Andreozzi L. (2005). Hayek Reads the Literature on the Emergence of Norms // Constitutional Political Economy. Vol. 16. No. 3. P. 227–247.

Barkow J., Cosmides L., Tooby J. (1992). The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. N.Y.: Oxford University Press.

Boehm C. (1999). Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior. Cambridge: Harvard University Press.

Boettke P. J. (2018). F. A. Hayek: Economics, Political Economy and Social Philosophy. L.: Palgrave Macmillan.

Boyd R., Richerson P. (2005). The Origin and Evolution of Culture. N.Y.: Oxford University Press.

Caldwell B. (2000). The Emergence of Hayek's Ideas of Cultural Evolution // Review of Austrian Economics. Vol. 13. No. 1. P. 5–22.

Cosmides L., Tooby J. (1997). Evolutionary Psychology: A Primer. (http:// www.psych.ucsb.edu/ research/cep/primer.html)

D'Amico D. (2015). Spontaneous Order // The Oxford Handbook of Austrian Economics / P. J. Boettke, C. J. Coyne (eds). Oxford: Oxford University Press. P. 115–142.

Elster J. (1989). Nuts and Bolts for the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press.

Fehr E., Gachter S. (2002). Altruistic Punishment in Humans // Nature. Vol. 415. No. 1. P. 137–140.

Ferguson A. (1973). Principles of Moral and Political Science. N.Y.: AMS Press. Vol. 1.

Ferguson A. (1996/1797). An Essay on the History of Human Society Edinburgh: Edinburgh University Press.

Feser E. (2003). Hayek on Tradition // Journal of Libertarian Studies. Vol. 17. No. 1. P. 17–56.

Gaus G. (2006). The Evolution of Society and Mind: Hayek's System of Ideas // The Cambridge Companion to Hayek / E. Feser (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 232–258.

Gaus G. (2020). A Branch on the Mainline: Hayek's Analysis of Complex Adaptive Systems // Cosmos + Taxis. Vol. 7. No. 5. P. 32–41.

Gedeon P. (2015). Spontaneous Order and Social Norms. Hayek's Theory of Socio-Cultural Evolution // Society and Economy. Vol. 37. No. 1. P. 1–29.

Gick E., Gick W. (2000). Hayek's Theory of Cultural Evolution Revisited: Rules, Morality, and the Sensory Order. Working Paper No. 2000–01. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, Wirtschaftswissenschaftliche Fakultïät.

Hawkes J., Wang E., Cochran G., Harpending H. (2007). Recent Acceleration of Human Adaptive Evolution // Proceedings of the National Academy of Science. Vol. 104. No. 52. P. 20753–20758.

Hayek F. A. (1952). The Sensory Order. Chicago: University of Chicago Press.

Hayek F. A. (1984). The Origin and Effect of Our Morals: A Problem for Science // The Essence of Hayek / C. Nishiyama, K. R. Leube (eds.). Stanford: Hoover Institution Press. P. 318–330.

Henrich J. (2004). Cultural Group Selection, Coevolutionary Processes and Large-Scale Cooperation // Journal of Economic Behavior and Organization. Vol. 53. No. 1. P. 3–35.

Hodgson G. M. (1991). Hayek's Theory of Cultural Evolution: An Evaluation in Light of Vanberg's Critique // Economics and Philosophy. Vol. 7. No. 1. P. 67–82.

Koppl R. (2004). Economics Evolving: An Introduction // Evolutionary Psychology and Economic Theory / R. Koppl (ed.). Amsterdam: Elsevier. Advances in Austrian Economics. Vol. 7. P. 1–16.

Langlois R. N. (1986). Rationality, Institutions, and Explanation // Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics / R. N. Langlois (ed.). N.Y.: Cambridge University Press.

Langlois R. N. (2004). Comment on "Group Selection and Methodological Individualism: Compatible and Complementary" by Douglas Glen Whitman // Evolutionary Psychology and Economic Theory / R. Koppl (ed.). Amsterdam: Elsevier. Advances in Austrian Economics. Vol. 7. P. 261–266.

Marciano A. (2009). Why Hayek is a Darwinian (after All)? Hayek and Darwin on Social Evolution // Journal of Economic Behavior and Organization. Vol. 71. No. 1. P. 52–61.

Miller D. (1989). The Fatalistic Conceit // Critical Review. Vol. 3. No. 2. P. 310–323.

Rubin P. H., Gick E. (2004). Hayek and Modern Evolutionary Theory // Evolutionary Psychology and Economic Theory / R. Koppl (ed.). Amsterdam: Elsevier. Advances in Austrian Economics. Vol. 7. P. 79–100.

Schaefer A. (2021). Hayek's Twin Ideas: Reconciling Methodological Individualism and Group Selection // Cambridge Journal of Economics. Vol. 45. No. 6. P. 1209–1225.

Sechrest L. (1998). The Irrationality of the Extended Order: The Fatal Conceit of F.A. Hayek // Reason Papers. No. 23. P. 38–65.

Smith E. A. (1994). Semantics, Theory, and Methodological Individualism in the Group-Selection Controversy // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 17. No. 4. P. 636–637.

Steele R. (1987). Hayek's Theory of Cultural Group Selection // Journal of Libertarian Studies Vol. 8. No. 2. P. 171–195.

Stone B. L. (2010). The Current Evidence for Hayek's Cultural Group Selection Theory // Libertarian Papers. Vol. 2. No. 45. P. 1–21.

Trivers R. L. (1971). The Evolution of Reciprocal Altruism // Quarterly Review of Biology. Vol. 46. No. 1. P. 35–57.

van den Bergh J. C. J. M., Gowdy J. M. (2009). Group Selection Perspective on Economic Behavior, Institutions and Organizations // Journal of Economic Behavior and Organization. Vol. 72. No. 1. P. 1–20.

Vanberg V. V. (1986). Spontaneous Market Order and Social Rules: A Critique of F.A. Hayek's Theory of Cultural Evolution // Economics and Philosophy. Vol. 2. No. 1. P. 75–100.

Whitman D. G. (1998). Hayek contra Pangloss on Evolutionary Systems // Constitutional Political Economy. Vol. 9. No. 1. P. 45–66.

Whitman D. G. (2004). Group Selection and Methodological Individualism: Compatible and Complementary // Evolutionary Psychology and Economic Theory / R. Koppl (ed.). Amsterdam: Elsevier. Advances in Austrian Economics Vol. 7. P. 221–250.

Whitman D. G. (2004). Group Selection and Methodological Individualism: Reply to Comments // Evolutionary Psychology and Economic Theory / R. Koppl (ed.). Amsterdam: Elsevier. Advances in Austrian Economics Vol. 7. P. 297–304.

Williams G. (1966). Adaptation and Natural Selection. Princeton NJ: Princeton University Press.

Wilson D. S. (1975). A Theory of Group Selection // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 72. No. 1. P. 143–146.

Wilson D. S., Wilson E. O. (2007). Rethinking the Theoretical Foundations of Sociobiology // Quarterly Review of Biology. Vol. 82. No. 4. P. 327–348.

Zywicki T. (2004). Reconciling Group Selection and Methodological Individualism // Evolutionary Psychology and Economic Theory / R. Koppl (ed.). Amsterdam: Elsevier. Advances in Austrian Economics. Vol. 7. P. 267–277.

Zywicki T. J. (2000). Was Hayek Right about Group Selection? // Review of Austrian Economics. Vol. 13. No. 1. P. 81–95.

Kapeliushnikov, R. I.

The theory of cultural evolution by F. A. Hayek and evolutionary psychology [Text] : Working paper WP3/2023/05 / R. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : HSE Publishing House, 2023. – 84 p. – (Series WP3 "Labour Markets in Transition"). – 35 copies. (In Russian)

The paper highlights the theory of cultural evolution by F. A. Hayek, perhaps the most underestimated part of his scolarly heritage. In retrospect, it appears as a complex and deep system, in many respects anticipating the ideas of modern evolutionary psychology. Hayek was far from considering cultural evolution to be a copy of biological evolution, emphasizing its non-Darwinian ("Lamarckian") nature. The phenomenon of culture he defined as a set of traditions, norms and rules of conduct lying between the world of natural objects that exist independently of man and the world of artificial objects created by his will and intellect. The paper examines Hayek's "twin concepts" – spontaneous order and cultural evolution. A key element of his approach was the idea of group selection, which he used to explain why, in the long-term evolutionary perspective, more efficient social orders capable of providing a higher living standard of and supporting a larger population are more likely to survive. This became grounds for his accusations of abandoning the principle of methodological individualism and shifting to the position of methodological holism. However, under closer examination group selection and methodological individualism turn out to be quite compatible, appearing in Hayek's understanding as two aspects of a general explanatory scheme.

Key words: Hayek, cultural evolution, spontaneous order, group selection, methodological individualism, evolutionary psychology

JEL classifications: B25, B41, B52, Z13

Препринт WP3/2023/05
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология

Публикуется в авторской редакции

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 1/16. Тираж 35 экз. Уч.-изд. л. 4,7.
Усл. печ. л. 4,9. Заказ № . Изд. № 2746

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Измайловское шоссе, 44, стр. 2
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»